

Дом в овраге

Автор:

[Александр Варго](#)

Дом в овраге

Александр Варго

MYST. Черная книга 18+

Дети бывают так жестоки!.. Летний отдых в лесу воспитанников детского сада закончился трагедией. Юные создания «заклевали» свою сверстницу, тихоню Машу Федорову. Девочка сбежала из лагеря и исчезла. Ее тело нашли лишь спустя три дня на дне глубокого колодца в овраге...

Но детская агрессия ничто в сравнении с чудовищем, объявившимся в тех же местах спустя тринадцать лет... Зловещий клоун карает местных жителей при помощи самых изощренных орудий пыток средневековой инквизиции: заживо сдирает кожу, сажает на кол... Повсюду в лесу находят истерзанные трупы пропавших людей. «Кровавые тропы», проложенные в чаще неведомым живодером, незаметно ведут к небольшому дому в том самом овраге, где когда-то нашли мертвую Машу...

Александр Варго

Дом в овраге

Все имена героев и географические места вымышлены, их совпадение с действительностью является случайным.

«Маска святости» – состояние между серийными убийствами, во время которого маньяк ведет совершенно обычный образ жизни».

Харви Клекли и Роберт Хэйр, американские криминологи

Часть 1

Вырезка из газеты «Алтайский вестник», 29 июня 1992 года

«Внимание, розыск!

26 июня с.г., примерно в 16.00 на территории поселка Вербы Каменского района во время отдыха воспитанников детского сада пропала без вести шестилетняя Мария Федорова. Волосы рыжие, хрупкого телосложения. Была одета в зеленое платье и розовые сандалии. Особые приметы – при сильном волнении заикается. Всем, кому что-либо известно об этой девочке, просьба сообщить по следующим телефонам...»

Вырезка из газеты «Криминальная хроника», 3 июля 1992 года

«Представители правоохранительных органов сообщают, что по факту исчезновения 26 июня Марии Федоровой прокуратурой возбуждено уголовное дело. Как было установлено, в тот злополучный день на отдых в район поселка Вербы выехала группа детей из детского сада «Ромашка». Группу сопровождали двое воспитателей. В какой-то момент они потеряли бдительность, и малыши разбрелись. Когда воспитатели спохватились, при пересчете выяснилось, что отсутствует Маша Федорова. Трехдневные поиски привели к заброшенному колодцу, в котором и был обнаружен труп девочки. Решается вопрос о возбуждении в отношении нерадивых воспитателей уголовного дела по халатности. Органы следствия не исключают, что к исчезновению ребенка причастны цыгане, чей табор несколько дней располагался неподалеку от поселка...»

* * *

Дмитрий был в прекрасном расположении духа. Ласковый, солнечный июнь мягко обнимал их небольшой городок, погода была что надо, и расплывшееся в жаркой улыбке солнце нежилось в лазурном небе. Недавно приобретенный «Лендровер» работал как часы. Мощный автомобиль съехал с трассы и потрусил по лесной дороге, ловко преодолевая всевозможные препятствия в виде кочек и рытвин.

Когда до дома оставалась какая-то сотня метров, в кармане его охотничьей «разгрузки» затренькал мобильный. Мужчина достал телефон и улыбнулся, увидев определившийся номер – звонила его жена.

– Да, Ленок, – пробасил он.

– Как ты, Дима? – раздался в трубке голос супруги, как показалось Дмитрию, немного встревоженный.

– Все нормально, готовлюсь к вашему приезду. А что?

– Да так... – замялась женщина. – Соскучилась.

– Я тоже, – мягко сказал мужчина. – Как Вадик?

– Носится как угорелый, все про тебя спрашивает. Хочешь, я дам ему трубку?

– Скоро увидимся, потерпи, – проговорил Дмитрий. – Ну, пока, золотая, – заторопился он.

Лена сухо попрощалась, и в трубке раздались короткие гудки.

Мужчина не обратил на это внимания – Лена всегда была немного капризной женщиной, но благодаря его усилиям, где-то кнутом, где-то пряником он постепенно подогнал все качества супруги под свой характер. «Бабе дорога – от плиты до порога», – любил говорить он, впрочем, не имея ничего против слабого пола. Наоборот, он всячески старался оградить Лену от попыток устроиться на какую-либо работу, мягко подавляя ее гневные аргументы в части обретения

эдакой женской (отчасти мифической) независимости, которой так любят бравировать те работающие женщины, которых, как правило, содержат мужья.

Так было и с Дмитрием – он обеспечивал жену и сына всем необходимым, будучи убежденным, что в нормальной семье жена должна хлопотать по дому, а мужик – пахать. Он был заядлым охотником и специалистом по таксидермии, и это хобби, к его неожиданному открытию, в один прекрасный день стало приносить неплохие барыши. У него было свое хозяйство, он умело и быстро обрабатывал шкуры, мастерил чучела животных, делал кулоны из зубов и когтей хищников, заказы поступали со всего края, и дела у него шли лучше некуда.

Вскоре сосны перед ним расступились, и джип подъехал к громадному бревенчатому срубу. Он торопился навести кое-какой порядок в доме – Лена с Вадиком сегодня ночью прилетали из Турции.

Насвистывая, он вышел из машины и направился к дому. Уже подходя к воротам, он нахмурился. Странно, почему Таран не встречает его лаем? Он зашел на участок, взгляд сразу упал на пустующую конуру. Может, пес где-то за домом? Странно.

Он обошел дом, но собака словно испарилась. Дмитрий был сбит с толку. Ворота были закрыты, двери дома тоже. Куда же подевался Таран?

Он огляделся, и взор его устремился на громадный сарай, который он приспособил под мастерскую. Возможно, Таран играл там и задремал где-то неподалеку?

К мастерской вела дорожка, вымощенная плиткой. Какой-то необычный предмет приковал внимание Дмитрия, и он нагнулся, чтобы рассмотреть его поближе. Это был пушистый шарик оранжевого цвета. Что-то вроде помпона, такие бывают на детских шапках.

Несколько секунд Дмитрий задумчиво рассматривал помпон, после чего машинально сунул его в карман и зашагал к мастерской. Порывы ветра колыхали закрепленные на специальных шестах недавно выделанные шкуры рыси и волка.

Мастерская была незаперта, и мужчина облегченно вздохнул. Точно, Таран наверняка там. Воспользовался тем, что он, растяпа, забыл закрыть дверь (но ты же никогда раньше не забывал этого делать), и, скорее всего, юркнул внутрь, с удовольствием устроившись посреди сваленных шкур. Представляя, какую трепку он устроит псу, Дмитрий решительно вошел внутрь.

– Таран! – крикнул он, вглядываясь в темноту. Рука зашарила по стенке, ища выключатель. – Таран! Та...

Он прервался на полуслове, услышав какой-то шорох.

– Таран, где ты, сучий сын? – спросил Дмитрий, уже не так уверенно. Пальцы нащупали эбонитовый выключатель (щелк!), но свет почему-то не зажегся.

Внезапно из темноты донеслось негромкое хихиканье. Дмитрий застыл на месте. В следующее мгновение чья-то мягкая ладонь аккуратно, почти с любовью, опустилась на его лицо, прислоняя что-то влажное, и в ноздри ворвался резкий запах хлороформа. Тело мужчины дернулось, но мягкая ладонь, оказавшаяся на удивление цепкой, продолжала настойчиво держать мокрый предмет у самого его лица, и Дмитрий отключился.

– Проснитесь... – услышал он над собой чей-то тихий голос. Разгоряченные щеки ощутили прохладу – кто-то лил на его лицо воду. Он попытался приподнять веки, но они оказались на удивление тяжелыми, будто к каждому приковали по пудовой гире.

– Проснитесь, – повторил странный бесполой голос, и Дмитрий почувствовал, как на лоб легла уже знакомая мягкая ладонь. Закашлявшись, он все же сумел приоткрыть глаза. В голове стучало, перед взором лениво плыли пульсирующие круги, но он смог сфокусировать взгляд на ссутулившейся фигуре, замершей в метре от него.

– К... какого хрена? – хрипло спросил Дмитрий. Он попытался дотронуться до лица, но тут его ждал еще один неприятный сюрприз – обе руки (как и ноги) были прочно привязаны. Он закрутил головой, с нарастающей паникой понимая, что находится на столе в своей мастерской. На столе, за которым он провел бесчисленное количество часов, кропотливо разделявая туши и снимая шкуры, даже не находится, нет, он распят, как лягушка, которую собираются

препарировать!

– Кто ты? – выдохнул он, всматриваясь в своего пленителя. Глаза уже привыкли к свету, и в какой-то момент страх уступил место изумлению.

Перед ним стояло невысокое, худощавое существо в грязном халате, который когда-то был белым. Вместо пуговиц халат украшали крупные оранжевые помпоны, точно такие же красовались на огромных, неуклюжих башмаках существа. Но самое главное – это лицо. Точнее, маска. На Дмитрия с нескрываемым интересом пялился клоун. Смешной красный нос на резинке, ярко раскрашенный рот до самых ушей, сбитый набекрень колпак в поблескивающих звездочках, из-под колпака выбивались жидкие пряди фиолетовых волос. Лицо существа покрывал толстый слой грима, настолько густой, что его можно было соскребать половником.

– Что тут происходит?! – повысил голос Дмитрий, дергая рукой в попытке освободиться. Напрасно, узлы были завязаны на совесть. Краем глаза он заметил, что веревки крепились к металлическим штырям, которые были вколочены в стол. – Кто ты?!

Казалось, существо выглядело озадаченным.

– Я клоун, – с легким раздражением ответило оно, мол, ты что, сам не видишь?

– Как ты оказался в моем доме??! – закричал Дмитрий.

– Ваш дом на улице, – так же тихо возразил клоун и поправил сползший нос. – А это... гм, осмелюсь предположить, это ваш кабинет, так сказать, рабочая комната. Верно?

Он чихнул и весело подмигнул оторопевшему Дмитрию. Неожиданно только сейчас до него дошло, что он абсолютно голый. Господи, что происходит?!

– Развяжи меня! – прорычал он, напрягая изо всех сил мышцы. – Олег Попов еб...й!

Его лицо побагровело, на виске взбугрилась жила, но все было бесполезно, веревки лишь глубже вгрызлись в его кожу.

- Ну погоди, дай я освобожусь, - отдуваясь, со злостью проговорил Дмитрий. Он вспомнил про Тарана. - Что ты сделал с собакой, урод?

Клоун пристально взглянул на извивающегося мужчину, словно прикидывая в уме, стоит ли тратить время на ответы, наконец бросил:

- Я отрезало ей голову. Она пыталась укусить меня.

- Ты... что?! - не поверил Дмитрий. - Что ты сделал?!

- Не люблю, когда меня кусают, - пояснил клоун немного виновато, словно действительно сожалел о содеянном.

- Жаль, что Таран не оторвал тебе яйца, - прошипел Дмитрий, желая только одного - освободиться от веревки и вытрясти дух из этого сморчка в шутовском наряде.

- Откуда вы знаете, что я мужчина? - удивился клоун. Дмитрий запнулся, не найдя, что ответить. Действительно, определить пол стоящего перед ним существа было непросто. Беспорочный халат мешком висел на худом теле, скрывая формы, лицо в гриме, да и голос клоуна был каким-то плавающим, и мужским, и женским одновременно.

- Хорошо... Так ты - оно?! - Дмитрий задыхался от ярости.

- Для вас - да, - невозмутимо кивнул клоун, и в его руках появился небольшой сверток. Дмитрий обратил внимание, что кисти уродца были обтянуты резиновыми перчатками. Положив сверток на стол, клоун развернул его и начал бережно извлекать из него предметы, при виде которых у Дмитрия зашевелились волосы, а яички сморщились до размеров горошин, пытаясь вжаться в складки живота.

Длинный нож. Скальпель. Еще какой-то нож с коротким лезвием, похожий на тот, которым выполняют резьбу по дереву. Огромные хромированные щипцы.

Какие-то кривые иглы, тускло блеснувшие при скудном освещении. Аккуратно разложив на столе эти ужасные предметы, клоун направился куда-то в угол. Дмитрий, рискуя остаться с вывихнутой шеей, повернул голову. Клоун склонился над маленьким магнитофоном и ткнул пальцем кнопку. Пространство мастерской наполнилось величественной классикой Бетховена.

– Что ты собираешься делать? – севшим голосом спросил Дмитрий, всем сознанием прекрасно понимая, что ответа на свой вопрос он совершенно не хочет знать. Совершенно.

– Не правда ли, божественная музыка? – проквакал клоун. – Хотите конфетку? – предложил он, выуживая из засаленного кармана леденец в прозрачной обертке. – Смородиновую. Я бы предложило малиновую, но ее я съело само.

– Что ты собираешься делать? Развяжи веревки, немедленно – Дмитрий вновь задергал конечностями, причиняя себе только дополнительную боль.

Клоун неторопливо развернул леденец и поднес его ко рту мужчины.

– Когда я было маленьким, то называло такие конфетки «сосалками», – мечтательно произнес клоун. – Я вышло во двор и предложило их взрослым ребятам, которые гоняли в футбол. Я всегда хотело иметь друзей, понимаете? А они сказали, что «сосалками» называют, извините за выражение, х.., и предложили засунуть их мне в задний проход. Их было двое. Пренеприятнейшие грубияны. Нате, пососите леденец. Он освежает.

Дмитрий упрямо сжал челюсти.

– Ну же, – настаивал клоун. – Я же не х... вам предлагаю.

Дмитрий замотал головой, продолжая сжимать зубы, но клоун ловко зажал ему ноздри, заставив открыть рот, и насильно впихнул леденец в глотку.

– Не выплевывайте. Это вместо анестезии, – деловито сказала существо и повернулось к разложенным предметам, от которых прямо-таки волнами исходили зловещие миазмы. Дмитрий машинально сосал леденец, практически не чувствуя его вкуса, и в каком-то трансе наблюдал, как клоун выбирал нож. И

без того огромная, гротескная ухмылка клоуна стала еще шире, как разверстая рана.

– К слову, через несколько лет я по очереди подкараулило этих хамов и вырезало им глаза. Даже не знаю, что с ними сейчас, – сообщил клоун.

Дмитрий с ужасом понял, что даже если он будет орать, срывая глотку, никто его не услышит – он специально выстроил дом в уединении, подальше от городской суеты.

– Ты пожалеешь об этом, свинья наряженная! – в отчаянии выкрикнул он.

– Свинья? – переспросил клоун и почесал затылок. – Интересное сравнение... Кстати, вы в курсе, кого в древней Японии называли свиньей?

Нет, Дмитрию абсолютно не хотелось знать, что там происходило в этой чертовой древней Японии.

– Преступника. Ему обрубили руки по локоть, ноги по колено, прокалывали барабанные перепонки, вырывали ноздри, а напоследок снимали скальп, – с увлечением проговорил клоун. – Затем ему останавливали кровотечение и выпускали на свободу. Это называлось «свинья». А я, как видите, ну никак не соответствую данному описанию.

Дмитрий сглотнул теплый комок, похожий на моток колючей проволоки. Клоун между тем прогнусавил:

– Итак, цирковое Представление начинается. Сегодня мы не будем вас особенно баловать разнообразием номеров. И свинью из вас делать я не намерено, хотя вы наверняка выглядели бы забавно с отрубленными конечностями. Сегодня у нас в программе будут одни клоуны. Точнее, один. И одна милая коровка. Или баранчик, кем вы хотите быть? Лично мне без разницы.

Глаза существа сузились, превратившись в два мерцающих огонька, раскрашенные губы стали влажными от слюны, обильно стекающей по подбородку, словно клоун испытывал самый натуральный голод.

– Сейчас вы поймете, – шептал он. – Поймете, что чувствует животное, с которого медленно сдирают шкуру.

И тут Дмитрий закричал. Громко, с надрывом, его глаза выкатились из орбит, но он кричал и кричал, хотя к его разуму еще не до конца пришло понимание, что намеревалось с ним сделать это создание в нелепом маскараде.

Между тем клоун обошел стол и остановился возле спины мужчины, разглядывая бугрящиеся мышцы, которые сейчас были совершенно бесполезны. Он покачал головой, фиолетовые волосы плавно дрейфовали в такт движениям, как «барашки» на волнах. Поразмыслив, клоун вытащил из небольшого рюкзака широкий кожаный ремень и, ловко протянув его под столом, крепко стянул тело Дмитрия поперек, ограничив его и без того тщетные попытки освободиться.

– Не волнуйтесь, просто, если вы будете нервничать, у меня может дрогнуть рука, – произнесло существо. – Я бы сняло с вас всю кожу, – задумчиво продолжало оно, легонько водя лезвием по спине Дмитрия. Тот вздрогнул. – Но тогда вы очень быстро умрете. Я читало, как однажды это сделали с какой-то женщиной. Действие происходило на болоте, и ее моментально облепили комары. Шок, потеря крови и так далее, ну, вы меня понимаете. Ничего интересного. Зато она была очень большой, и из ее кожи мог выйти отличный чехол для рояля. Может, даже для танка. Знаете, сколько весит человеческая кожа? Около двух с половиной килограммов. В этой женщине ее было не меньше трех с половиной. А может, и все четыре.

Лезвие остановилось на ягодицах Дмитрия. В глазах существа промелькнуло любопытство.

– Пожалуйста, – прохрипел Дмитрий. – Прошу тебя, пожалуйста...

– Не бойтесь, – нежно проворковал клоун. – Комары – это уже прошлый век.

И он сделал первый надрез.

Мастерская задрожала от диких воплей. Из угла сарая за этим наблюдали мутные глаза головы кавказской овчарки.

* * *

– Докладывай, – устало произнес крепко сбитый мужчина лет пятидесяти пяти в расстегнутом милицейском кителе. На погонах золотисто переливались полковничьи звездочки. Перед ним за массивным столом сидел невысокий мужчина лет тридцати, спортивного телосложения, в светлой рубашке и черных джинсах. Черты лица правильные, даже немного грубоватые, но такой тип мужчин часто заставляет вздрагивать женские сердца. Глаза смотрели прямо, даже немного дерзко. В руках он держал открытую папку с документами.

– Убийство, товарищ полковник, – сказал он.

– Я сам знаю, что убийство, едрен-батон! – внезапно крикнул полковник и стукнул кулаком по столу. Жалобно звякнула чайная ложка в пузатой чашке, которая была чем-то похожа на кряжистого полковника. – Ты по существу давай, Боков!

Оперативник прекрасно видел состояние своего начальника, но начал говорить ровно, даже как-то успокаивающе, словно рассказывал ребенку интересную сказку перед сном.

– Потерпевший – Ставченко Дмитрий Сергеевич, местный охотник, тридцать девять лет от роду. Убийца использовал острый нож или скальпель. Смерть наступила от острой кровопотери, вызванной обширными ранами. Это произошло на территории частного домовладения Ставченко, поселок Искра, в северной части леса. О происшествии стало известно от его жены.

– Где она? – спросил полковник.

– Внизу, в дежурной.

– С ней работали?

– Разумеется. Это не она.

Полковник прищурился:

- Ты так уверен в этом, Боков?

- Так точно, товарищ полковник, - твердо сказал оперативник. - Конечно, с ней еще придется повозиться, но я уверен, что она непричастна к убийству.

- Ладно, что дальше?

- Следов взлома не обнаружено. Возможно, преступник перелез через забор - он невысокий. Кстати, он убил собаку, отсек ей голову. Орудие преступления пока не обнаружено. Как и то, с помощью которого расправились с потерпевшим. Отрабатываются связи Ставченко, но...

Тут впервые милиционер замялся.

- Ну, Витя, давай, - подбодрил его полковник. Он плеснул себе в кружку минералки и залпом выпил, после чего смачно рыгнул, ничуть не смущаясь подчиненного.

- Видите ли, Семен Васильевич, - тщательно подбирая слова, начал говорить Виктор. - Характер ран и вообще все сопутствующие факторы преступления говорят о том, что перед нами знакомый почерк. Знакомый, хоть и немного подзабытый.

- Продолжай, - насторожился полковник.

Виктор посмотрел в окно:

- Я думаю, что Живодер вернулся.

Семен Васильевич прямо подскочил на месте.

- Основания?! - гаркнул он. - На чем основана твоя версия, Боков?

- Вы не видели то, что осталось от Ставченко, - негромко сказал Виктор, вновь посмотрев на полковника, и от того не ускользнуло, что в глазах опера промелькнула тень превосходства и... пренебрежения, что ли?

– И что же ты видел? – недоверчиво проговорил Семен Васильевич.

– У него почти не осталось кожи, ее срезали, – сказал Виктор. – Ставченко оставили только лицо, немного кожи на животе, на ладонях и коленях. Я сначала не понял, а потом дошло – чтобы он ползал на четвереньках. Дело в том, что с подошв тоже было все срезано, сплошное мясо, и идти охотник не мог.

– Фу, – не удержался полковник и снова потянулся за минералкой.

«Конечно, фу», – подумал про себя Виктор, а вслух продолжил:

– На территории был обнаружен поводок, на нем следы крови. Скорее всего, Ставченко водили, как собаку, по участку – там везде кровь. На дорожке валялась пустая бутылка с насадкой для опрыскивания. В ней были остатки какой-то жидкости, судя по запаху, уксусная эссенция. Напрашивается вывод, что преступник поливал уксусом освежеванного Ставченко. Потом его завели в пруд и столкнули в воду. Судя по всему, убийца не давал вылезти потерпевшему наружу, но и топить не собирался.

– Почему ты так решил? – подозрительно спросил Семен Васильевич.

– Трава на берегу примята. Там же была обнаружена лопата, тоже вся в крови, ею убийца не давал вылезти Ставченко из воды.

– Но зачем?

– Пиявки, – коротко бросил Виктор. – Их там тысячи. Они живьем жрали Ставченко, и он до последнего пытался выползти на берег. Этим тварей даже в морге не сразу всех отцепили, они...

– Все, хватит, едрен-батон, – поморщился Семен Васильевич. – Давай без этих деталей.

– А собственно, это все. Опрос родственников и знакомых погибшего показал, что очевидных врагов у Ставченко не было, – резюмировал милиционер.

Семен Васильевич откинулся на кресле.

– Бред какой-то, – буркнул он, с шумом выпустив из себя воздух. – Что-то еще?

– Палка отправлена на экспертизу, – сказал Виктор. – На участке также обнаружена обертка от конфеты, она тоже в лаборатории.

– Немного ты наработал. Фантик с лопатой.

– Еще бутылка из-под уксуса, – сказал Виктор, думая о чем-то своем.

– Все равно мало, – упрямо повторил полковник.

– Мало, – согласился Виктор. – Особенно когда тебя в три часа ночи дергают из постели, когда ты в отпуске.

Глаза полковника потемнели, и Виктор понял, что перегнул палку.

– Мне уже из прокуратуры звонили, – недовольно сказал Семен Васильевич. – Все трясутся, им из Москвы указание спустили как можно быстрее раскрыть это дело... Вы жену этого охотника еще раз потрясите.

– Семен Васильевич, у нее железное алиби. Смерть Ставченко наступила около семи-восьми вечера, а его жена с ребенком прилетели в аэропорт около двенадцати ночи, я лично допрашивал водителя такси, который ее подвозил.

– Она могла заказать своего муженька, – уперся полковник, не желая сдавать свою позицию.

– Мотив, Семен Васильевич? – спокойно возразил Виктор. – И потом, способ устранения слишком уж витиеват.

– Ладно, – вяло сказал полковник, вдруг потеряв интерес к разговору. – Ты, Боков, не обижайся, но отпуск ты в следующий раз отгуляешь. Лады?

Оперативник вежливо кивнул. Он это понял еще там, на участке Ставченко.

– И еще, Боков, – помявшись, проговорил Семен Васильевич. – Не надо привлекать особого внимания к этому делу. Понимаешь? Не нужны нам лишние геморрой. А они будут, если пресса...

– Пресса уже в курсе, Семен Васильевич, – мягко перебил его Виктор. – Так что веселая жизнь только начинается. А я не зря вспомнил про Живодера, товарищ полковник. Это он, я чувствую.

– Чувствуешь?! Чувствует он, едрен-батон! – взорвался полковник. Он вылез из-за стола и заходил по кабинету, с присвистом дыша и яростно раздувая ноздри. – Детективов начитался, да, Боков?! Захотелось маньяка живого поймать?

Виктор неподвижно смотрел в одну точку, с терпеливым спокойствием слушая вопли начальника. Он привык к подобным эмоциональным взрывам и относился к ним не серьезней, чем к трескотне сверчка, с другой стороны, прекрасно понимая чувства своего патрона. Иметь на своем участке нераскрытый висяк, да еще совершенный с такой жестокостью, – тут мало кто обрадуется. Плюс перманентное давление со стороны вышестоящих инстанций.

– Разрешите идти? – спросил он, видя, что его шеф выдохся и замолк.

Семен Васильевич бессильно махнул рукой, мол, вали отсюда.

Когда Виктор покинул кабинет, Семен Васильевич почувствовал, что совершенно вымотался, хотя рабочий день только начался.

Живодер...

Его прошиб ледяной пот, хотя на улице асфальт плавился от жары. Боков отличный сыщик, настоящая ищейка, и у него не было повода усомниться в словах опера. Просто нервы у полковника не выдержали. И где-то в глубине души он отдавал себе отчет, что Виктор, скорее всего, прав. Бог ты мой, неужели все возвращается?! Если это правда и Живодер вернулся, он должен сделать все, чтобы схватить за мошонку этого больного уroda. Иначе в лучшем случае он вылетит с работы, а это для него равносильно смерти.

Семен Васильевич достал из мини-холодильника початую бутылку водки и налил себе прямо в стакан, из которого еще пять минут назад хлестал минералку.

* * *

Настроение у Виктора было не лучше, чем у начальника, хотя внешне это никак не выразилось – лицо его было полусонно-бесстрастным, однако мозг его при этом напряженно работал.

Он не особенно расстроился из-за того, что его отпуск прервался таким вот неожиданным образом, его больше заботила предстоящая работа. В том, что в убийстве Ставченко замешан Живодер, он не сомневался ни секунды. Опасный псих снова выполз из своей норы. Выполз, чтобы утолить свой извращенный голод.

Впервые о Живодере стало известно три года назад. Ничего похожего до этого у них в Каменске не было. И это было первым потрясением для Бокова, хотя он не первый год служил в уголовном розыске.

Всего три убийства в течение месяца, но по своей безумной жестокости они шокировали всю страну. Это были даже не убийства, а пытки, которые в конечном счете привели всех троих к мучительной смерти.

Первым был восемнадцатилетний парень, Тюрин Олег. Его полусваренный труп обнаружили на заброшенной скотобойне, в громадном котле. С балки свисал обрывок ремня, в котле плавали его остатки, что позволило сделать вывод, что несчастного парня периодически окунали в кипяток.

Второй жертвой была пожилая женщина. На нее случайно наткнулся грибник в лесу, и, как представлялось Виктору, после увиденного он наверняка до конца дней будет спать при включенном свете, вздрагивая от малейшего шороха. Обмякшее тело старухи было распластано на доске, установленной на торец, который поддерживался двумя вкопанными столбами. Верхний край доски был клинообразно заточен. К вздутым от варикоза лодыжкам женщины были привязаны тяжелые камни, тянувшие вниз тело и медленно разрезавшие его надвое.

Два совершенно разных человека, никак между собой не связанные. Две ужасные смерти, с промежутком в неделю. В прокуратуре не торопились объединять дела, хотя средства массовой информации уже вовсю трубили, что в Алтайском крае завелся последователь Чикатило.

На третье убийство выезжал сам Виктор. Сигнал поступил от какой-то женщины, мол, кошки в доме соседа уж как-то надрывно воют, и запах какой-то нехороший. Боков знал, о ком идет речь. Борис Долин, бывший гаишник, вышел на пенсию раньше времени (его сшиб на трассе какой-то отморозок и сделал инвалидом). В последнее время Долина часто видели у винного магазина, а его лицо все больше напоминало по цвету свеклу. Своей семьи у Долина не было, зато этот недостаток он компенсировал целой армией кошек.

Они вошли в дом и чуть не были сбиты с ног пресловутой оравой оголодавших мурок, которые врассыпную кинулись в стороны. Тяжелый запах шел из комнаты, дверь которой была сплошь исцарапана, будто животные изначально рвались не наружу, а именно туда. Милиционеры взломали дверь, и представшая взору Бокова картина намертво впечаталась в его сознание. Наверное, это был первый раз, когда его вырвало на службе. Впрочем, блевали все без исключения, кроме разве что служебной собаки. Впоследствии эксперты пришли к мнению, что с бывшего гаишника на протяжении нескольких дней понемногу отщипывали мясо, которое скармливали голодным животным – одна из кошек была обнаружена дохлой на кухне, в ее глотке застряла часть безымянного пальца. Друзей у Долина не было, собутыльники им не интересовались – бывший милиционер часто пил в одиночку. Кроме того, рот трупа был заклеен липкой лентой, что и позволило маньяку спокойно делать свое дело.

Поймать ставших людоедами поневоле усатых-полосатых удалось не сразу и не всех. Может, и по сей день в крае бродят мурки, отведавшие человечины.

Впрочем, кроме этих смертей, в Каменске произошло еще одно загадочное событие. Буквально через месяц после убийств бесследно исчез начальник розыска – Сергей Малышев, один из лучших сыщиков в крае. Собственно, под его началом Виктор и пытался выйти на след маньяка, и Малышев вроде бы даже наткнулся на одну ниточку, как вдруг словно испарился. Злые языки шептались, что неспроста это – может, Малышев и есть тот самый маньяк? Хотя в основном преобладало иное мнение – Малышев сам стал жертвой маньяка, просто его тело до сих пор не нашли. По факту его исчезновения возбудили уголовное дело,

которое вскоре было приостановлено и отправлено пылиться в архив. У Малышева остался сын, который учился на юридическом факультете и даже проходил практику у них в отделении. Насколько был осведомлен Виктор, Артур (так звали сына Малышева) довольно близко общался с его младшей сестрой Викой.

Оперативник зашел в кабинет, достал из сейфа материалы дела и принялся перечитывать протоколы.

Ни одной зацепки. Как тогда, так и сейчас. Хотя нет, есть фантик от леденца. Правда, конфету мог съесть сам Ставченко. И вообще, обертку могло к нему на участок ветром занести. Мать твою.

После третьей расправы, когда дело получило широкий общественный резонанс, а из Генеральной прокуратуры и МУРа в их городок летела следственная бригада, Живодер, будто учуяв опасность, уполз в свою нору. А вылез вчера, чтобы содрать живьем кожу с этого Ставченко.

Боков вспомнил, как им, еще тогда молодым курсантам, читал лекцию по судебной психиатрии седовласый профессор.

«Сложность в раскрытии преступлений, совершенных маньяками, заключается в отсутствии видимых мотивировок и поводов, хотя у каждого из серийных убийц они обязательно имеются...»

Действительно, что объединяет этих людей, восемнадцатилетнего парня, старуху, бывшего гаишника и охотника? Ничто. Хотя каждый маньяк заморачивался на своем – кто-то сходил с ума по блондинкам, кто-то был болезненно неравнодушен к малолеткам, а здесь – полная каша.

Тогда они прошерстили весь Каменск вдоль и поперек. Местные уголовные авторитеты клялись и божились, что и слухом не слыхивали о ком-то, кто способен на такие зверства. Да Боков и сам понимал, что Живодер не из их среды. Но если тогда у него теплилась надежда, что убийства совершал человек заезжий, не из местных, то теперь он не сомневался, что этот монстр обитает здесь, среди жителей города. Вот только кто он?

* * *

«Ты меня хочешь?»

Эти слова резонировали в моем мозгу, как многоголосое эхо. Хотел ли я ее? Конечно же, да!

Я хотел ее с того самого момента, как впервые увидел. Хрупкая блондинка с немного утомленным, будто заспанным лицом и заразительным смехом, было в ней что-то шлюховатое, а такие мне всегда нравились. И когда десять минут назад, пока мы были на балконе (отмечалась «днюха» Кости), она, томно опустив голову на плечо, прошептала вышеуказанную фразу, я не сомневался ни секунды. Хочешь меня, дорогуша? Ты получишь то, что хочешь.

Мы рванули ко мне, благо я жил один. Мама умерла от рака восемь лет назад, сгорела как свеча на ветру буквально в течение месяца. Отец после ее смерти впал в ступор, стал пить, потом вроде оклемался, но потом вдруг самым таинственным образом исчез. Растаял, как сизый дым от сигар, которые мы с таким пафосом недавно курили на балконе. Он был ментом, начальником розыска, и это было у него от бога. После смерти мамы работа стала его второй женой, домом и всем остальным. Но я не виню его. Хотя до сих пор надеюсь, что он жив, несмотря на то, что пропал он как раз после тех ужасных убийств в нашем городе.

- Ты неплохо водишь машину, - услышал я голос Вики. Прозвучало это не как комплимент, а словно констатация факта.

- Тебя не будут искать родители? - спросил я. - Время-то уже не детское.

- Мнение моих родителей меня не интересует, - ответила она, глядя в окно.

- Ты несправедлива к ним, - счел нужным заметить я.

- Ага. Единственный, кто меня донимает своей опекой, так это мой горячо любимый братик.

Это было произнесено с неприкрытым сарказмом, и я сказал:

– Я слышал, что Виктор хороший человек.

– Только мозги всегда канифолит, – фыркнула Вика. Она достала из косметички помаду и принялась наводить макияж. – Хорошо, хоть сегодня на дежурстве, а предкам я сказала, что у подруги останусь. Ты, кстати, слышал новость?

– Какую?

– Да мужика какого-то убили, охотника.

– Что-то показывали по телевизору, – сказал я.

– Витя говорит, с него кожу содрали, – произнесла Вика и зябко повела своим худеньким плечиком. – Он думает, что это тот самый псих, помнишь? Бррр, как представляю...

– Не понимаю, зачем он тебе сообщает такие подробности, – проговорил я. Мы уже подъехали к моему дому, и я заглушил мотор.

– Скажу тебе, зачем, – Вика повернула ко мне лицо. В темноте блеснули ее свеженакрашенные губки, соблазнительные, как спелые вишенки. – Теперь я всегда тороплюсь домой после института, понимаешь? А так, если бы не знала, пошла бы с девчонками тусоваться, кафешки там всякие...

– Ладно, пошли, – сказал я, чувствуя, что тоже начинаю нервничать. Слова Вики насчет убийства мужчины взбудоражили подзабытый страх. Тогда, несколько лет назад, в Каменске орудовал какой-то маньяк, кажется, он убил двоих или троих. Потом исчез мой отец, и все вроде закончилось, а теперь снова...

– Вы сегодня обсуждали какую-то новую девушку в вашей группе, – сказал я, чтобы переменить тему.

– Ага. Ее зовут Лера Мякина, – рассеянно ответила Вика, вылезая из автомобиля. Она оступилась, подвернув ногу, поморщилась и сняла босоножки с высоченными шпильками. – Ужасная неряха, к тому же толстуха. Перевелась к нам пару месяцев назад. Из Новосибирска.

– За месяц до окончания учебы? – недоверчиво спросил я.

Вика пожала плечами, переминаясь босыми ногами на прохладной траве:

– Мне-то какая разница? Хоть за день до вручения диплома.

– Действительно, – пробормотал я. Внезапно она прильнула ко мне, и я впился губами в ее сладкий рот, от него исходил аромат свежей помады и шампанского. Вика жарко задышала, я чувствовал, как напряглись ее соски, двумя твердыми шариками упершись в мою грудь.

– Хватит трепать, идем наверх, – едва слышно произнесла она, словно невзначай скользнув пальчиками по моей ширинке. Я чувствовал, как по спине побежал ручеек пота. Я хотел ее и боялся одновременно. И прежде чем я собрался что-то сказать, она скрылась в доме.

Однако все вышло не так, как мы оба рассчитывали, и оставалось только гадать, почему так по-мудозвонски устроен мир. Вика упорхнула в ванную, я смотрел ей вслед, ощущая, как возбуждение медленно уходит, уходит как прилив, неумолимо унося с собой все сладострастные мечты о сексе. Я стоял, слышал звук льющейся воды, я слышал, как Вика что-то беззаботно напевала (наверное, в этот момент она намыливала свою восхитительную грудь), а я стоял в коридоре как круглый идиот, считая удары своего сердца и соображая, что же делать дальше.

Я был девственником, вот в чем дело. Но в нашей компании никогда и никому я не говорил об этом, я не стал бы этого делать даже под страхом смерти. Просто так сложилось, ну... вы понимаете. Вроде не такой уж я урод и поговорить со мной можно на разные темы, но что касается сексуального опыта, то здесь я был полный ноль. Была одна попытка на пикнике в прошлом году, но она окончилась фиаско – то ли я был слишком пьян, то ли психологически не был готов к близости с женщиной, но все потуги взгромоздившейся на меня девчонки не увенчались успехом. Я даже ширинку не успел расстегнуть, как все возбуждение куда-то испарилось.

«Ничего, со всеми бывает, – философски заметила девушка, застегивая блузку. – В следующий раз получится».

Но следующего раза не было. Я ее вообще тогда в последний раз видел, больше мы не встречались.

Я медленно, словно сомнамбула, побрел в комнату, зажег ночник и прямо в одежде повалился на кровать. Подтянул к себе одеяло и натянул его по самый нос, немигающим взглядом уставившись в сторону ванной. Звук воды прекратился, после чего я услышал шлепанье босых ног.

– Ты уже здесь? – вытирая волосы полотенцем, улыбнулась Вика. На ней ничего не было, тусклый свет от ночника играл матовыми бликами на ее упругой коже, на которой крохотными бриллиантами мерцали капельки воды, но едва ли это помогло мне – желание трахнуться исчезло навсегда и безвозвратно, не оставив даже следа.

Вика, ничего не замечая, отбросила полотенце и юркнула под одеяло. Вот тут и началось самое интересное.

– А... почему ты в одежде? – изумленно спросила она.

– Э-э... – проблеял я невразумительно. – Мне тут пришло в голову, что... как-то это все неестественно. Слишком все быстро. Может, попро...

– Ты меня не хочешь? – перебила меня Вика, прижавшись ко мне. Ее шаловливая ручка заелозила по моей промежности, нащупывая молнию. Я затаил дыхание, мысленно приказывая себе возбудиться, но все было бесполезно.

– Судя по всему, нет, – заключила Вика разочарованно. Она повернулась ко мне лицом.

– Что с тобой, Малышев? Из-за тебя я уехала с тусовки, а ты тут целку строишь?! Сколько же тебе нужно времени, чтобы мы трахнулись? Год?

– Вика, послушай... – попробовал я урезонить девушку, но ее уже было не остановить.

– Я недостаточно красива для тебя? Или тебя интересуют парни? – с ехидством спросила она. – Признавайся, Малышев.

– Ты очень красива, – совершенно искренне сказал я. – Ты очень мне нравишься, Вика. Но...

– Что «но»? – взорвалась она. – Какого хрена я к тебе приехала? «Анну Каренину» обсуждать? Или кроссворды разгадывать?

Я молчал, оглушенный потоком обвинений, которые в большинстве своем казались мне абсолютно несправедливыми и даже обидными. В конце концов, наши далекие предки-мужчины вообще тратили на ухаживания за дамами своего сердца по году и больше, и все только ради того, чтобы иметь честь поцеловать край платья возлюбленной. А тут...

Вика между тем продолжала сыпать версии о причинах моей мужской несостоятельности.

– Кажется, я поняла. Ты импотент, так, Малышев?

И тут я почувствовал, как внутри меня медленно закипает ярость. Я – импотент?

– Повтори, – тихо проговорил я, откидывая одеяло.

Что-то в моем голосе заставило Вику сжаться. Она неуверенно посмотрела на меня:

– Ладно, не психуй. Просто пойми и меня, Артур, я...

– Повтори, – процедил я, в упор глядя на девушку. В ее распахнутых глазах мелькнул страх.

– Перестань, ты меня пугаешь, Артур. Я не хотела тебя обидеть, – заискивающе проговорила она, кутаясь в одеяло. Я отстранился назад, вытирая ладонью пот со лба. Ненависть исчезла так же быстро, как и появилась, и я даже недоумевал, что меня заставило так разозлиться на Вику, ведь, в сущности, она по-своему тоже права.

– Я не импотент, – сказал я глухо, стараясь не встречаться с ней глазами, и Вика торопливо произнесла:

– Конечно, я ведь пошутила. А ты просто переволновался. Это не только с тобой бывает.

«Уже в который раз», – с тоской подумал я.

– Я могу отвезти тебя домой, – предложил я без особого энтузиазма.

– Ну уж нет, – наотрез отказалась Вика, в ее голосе снова заискрились те самые капризные нотки, которые в свое время меня так заводили. – Я буду спать у тебя. Может, посреди ночи ты проснешься и поймешь, от чего отказываешься, – кокетливо сказала она и зевнула.

Я молча лег рядом и уставился в потолок.

– Ты не будешь раздеваться? – сонно поинтересовалась Вика.

– Не хочу тебя смущать, к тому же я не Арнольд Шварценеггер, – откликнулся я.

– Дурак ты, Малышев, – беззлобно сказала Вика и, повернувшись на другой бок, вскоре засопела.

Я лежал, пытаюсь выкинуть из головы недавний конфуз, и незаметно уснул. В эту ночь мне приснился стеклянный шар. Он снова мне приснился. Ослепительно-желтый, как капля свежей смолы, он источал умиротворяющее тепло, нежно искрясь в лунном свете. Потом внутри шара стали проскальзывать багровые всполохи, как зигзаги молний, там что-то хлюпнуло, и стенки окрасились красным...

* * *

Я боялся, что утром Вика снова захочет предпринять попытку соблазнить меня своими прелестями (я где-то слышал, что очень многие женщины без ума от утреннего секса), так как окончательно понял, что вообще зря потащил ее к себе, но она ничего такого делать не стала, а лишь попросила меня приготовить кофе.

– Малышев, прости меня за откровенность, а на какие шиши ты живешь? – спросила она, сидя на стуле и болтая ногой. – Ты студент, нигде пока не работаешь, родителей у тебя нет... Ой, извини. – Она виновато взглянула на меня.

– Ничего, все нормально, – сказал я. – У матери осталась однушка в Вяземском районе, я сдаю ее. Да еще у отца остались кое-какие сбережения, так и живу. – Я улыбнулся, но улыбка, судя по всему, вышла кривой, потому что Вика оставила ее без ответа. По моему напряженному лицу она быстро поняла, что пора сменить тему.

– Забыла тебе сказать, Артур. Помнишь, мы хотели выпускной в «Альфе» отметить?

Я кивнул. «Альфа» считалась самым лучшим рестораном у нас в городе, а самое главное, в ней действовали значительные скидки для студентов.

– Так вот, прикинь, Костя предложил плюнуть на эту «Альффу» и махнуть в «Долину Гномов», знаешь?

– Еще бы, – отозвался я, вяло ковыряясь вилкой в яичнице. – Романтика, озеро, вокруг горы, свежий воздух и все такое.

– Что-то я не вижу энтузиазма в твоих глазах.

– Все нормально, – сказал я. – Только надо быстрее решать, а то времени всего ничего осталось, – сказал я, отодвигая почти нетронутую тарелку в сторону. Аппетита что-то не было.

Вика допила кофе, сладко потянулась, как кошка на солнце, и сказала, что готова к выходу. Она ничем не показала, что помнит о вчерашнем вечере, и меня это полностью устраивало.

Я довез ее домой, а сам поехал к церкви. Я каждое воскресенье ездил к церкви и ставил свечи. Две – за родителей – за упокой матери и за здоровье отцу (я до сих пор не верил, что его нет в живых). Я также ставил еще одну свечку. За одного несчастного человека. Но я никому не говорил об этом, это была моя маленькая

тайна (как и моя девственность), и когда я зажигал ее, перед моими глазами всегда появлялся желтый шар.

Выходя из храма, я поймал взгляд местного юродивого – сумасшедшего Темы. Настоящего его имени, как и возраста, никто не знал. Его чрезвычайно худое лицо вечно в грязных разводах, одет в какие-то лохмотья, на ногах рваные сандалии, но чаще всего вообще босиком. Поговаривали, что он мог предсказать будущее, но я слабо верил в это. Шарлатанов и так везде хватает. Но мне не очень нравился его тяжелый, немигающий взгляд, когда мы изредка сталкивались на ступеньках. Вот и сейчас Тема посмотрел на меня так, словно знал о какой-то моей сокровенной тайне, такой тайне, о которой даже я имел смутное представление. И если я иногда давал нищим старухам какую-то мелочь, ему я не подавал никогда. Хотя, как мне показалось, он возле церкви ошивался-то вовсе не для того, чтобы кланчить милостыню, а просто так.

* * *

На обратном пути я чуть не сшиб человека. Перекресток был нерегулируемым, и я увидел, как какая-то девушка в розовом платье в нерешительности топчется у «зебры». Видя, что она ждет, пока я проеду, я начал движение, и вдруг в самый последний момент девушка неожиданно ринулась вперед, прямо под колеса. Я затормозил, но все же задел ее бампером. Она упала, вскрикнув, а я, белый как полотно, выскочил из машины.

– Простите бога ради, – запричитал я, помогая ей подняться.

– Ничего, я сама виновата, – сказала она, отряхиваясь.

– Вы не ушиблись?

– Нет, только локоть оцарапала, – ответила девушка. Она старалась выглядеть спокойной, но в ее глазах был испуг. Кстати, они были красивыми, эти глаза. Огромные, темно-зеленые, как два влажных изумруда, они словно обволакивали тебя целиком, магнитом притягивали к себе.

– Может, вас подбросить до дома? – предложил я. Остановившиеся сзади моей «Нивы» автомобили нетерпеливо сигналили.

- Поехали, - сказала девушка. - Мы загораживаем проезд.

- Артур, - представился я, когда мы оказались в салоне.

- Валерия. Можно Лера, на «ты» то есть, - сказала девушка, чуть улыбнувшись. У нее был приятный низкий голос, голос чувственной и уверенной в себе женщины.

- Куда тебя отвезти?

- А у тебя есть время? Это далеко, за городом.

- Ну-у... Даже если бы у меня не было времени, я бы все равно отвез тебя хоть на край света, - сказал я с серьезным видом, и мы рассмеялись.

- Тогда поезжай на объездную трассу и там до Елоховского шоссе. Потом я покажу.

- Без вопросов, - сказал я, про себя подумав, что на Елоховском шоссе почти нет жилого сектора - так, пара заброшенных дач и все. Неужели она там живет? Но спросить об этом напрямую я постеснялся.

Как она сказала, Валерия? Я смотрел на девушку во все глаза, с трудом соображая, что я обязан следить за дорогой, а не пялиться на ее красивые колени, но ничего не мог с собой поделать. На ней было нежно-розовое платье, подчеркивающее стройные линии тела, и от ее потрясающей фигуры возбуждился бы даже старый евнух. Неожиданно я подумал, что Вика, которую до последнего момента я считал красивейшей девушкой Каменска, по сравнению с Лерой выглядела блеклой куклой, которая завалилась за холодильник.

- Ты где-то учишься? - спросил я.

- Ага. В мединституте.

Я вздрогнул. Кажется, Вика говорила, что к ним недавно перевелась какая-то Лера из Новосибирска. Кажется, фамилия ее была...

– Твоя фамилия случайно не Мякина? – нерешительно спросил я, и она удивленно всплеснула ухоженными руками:

– Мы что, где-то виделись?

Я с трудом выдержал взгляд девушки – смотреть в ее глаза было равносильно тому, чтобы окунуться в бездонный колодец.

– Ты учишься вместе с Костей Ильчевым? Женей Романенко?

– Ты их знаешь?

– Да, это наша компания, – не без гордости сказал я. – Правда, я учусь на юрфаке, езжу в Северный, это в сорока километрах от Каменска, там филиал от института. Но я вырос в Каменске, и все мое детство прошло здесь.

Я запнулся.

– Мы... нигде не могли раньше встретиться?

Лера улыбнулась и задумчиво посмотрела в зеркало, встретившись со мной взглядом:

– Может быть. Мир не так уж велик, как нам кажется. Люди постоянно пересекаются друг с другом, просто не у всех хорошая память. Мне тоже показалось, что я где-то тебя видела... Ты был в Новосибирске?

Я помотал головой.

– В Карелии? Кишиневе?

– Нет, – выдавил я растерянную улыбку.

– Сейчас поверни вот сюда, – сказала Лера, и я закрутил руль, сворачивая на какую-то грунтовку.

Некоторое время мы молчали, и, как ни странно, это молчание было успокаивающим, и я украдкой любовался ею.

– Слушай, раз ты из их группы, значит, мы выпускной вместе отмечать будем! – вдруг осенило меня.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянула Лера. – Я только с Костей немного знакома, остальных ребят почти не знаю.

– Ерунда, – торопливо сказал я, в душе ликуя, что сам бог послал мне этого ангела. – До выпускного еще две недели, времени навалом.

Мы ехали и болтали, а дорога, по которой мы катили, становилась все безлюдней и пустынной. Скоро нас по обе стороны окружал сплошной лес.

– Ты здесь живешь? – спросил я.

– Да, мы с подругами снимаем дачу, – сказала Лера. – Ты не думай, у меня есть машина, тоже, кстати, «Нива», она сейчас в сервисе, коробка передач барахлит. Кстати, скоро будет моя тропинка, сбавь скорость.

«Попросить номер телефона или нет?» – мелькнула у меня мысль.

– Тормози, Артур, – сказала Лера, и я послушно остановился. После внутренней борьбы я так и не решился взять у нее телефон.

– Спасибо, – сказала Лера и тепло улыбнулась.

– Не за что. Ты уж извини, – неуклюже сказал я, вспомнив про обстоятельства нашего знакомства.

– Пустяки, – рассмеялась Лера и зашагала по тропинке. Я проводил ее взглядом и, вздохнув, повернул обратно.

Всю дорогу до дома мои мысли были заняты только этой девушкой.

* * *

Вечером по новостям показали место, где нашли мертвого охотника. Я хотел переключить канал, но какая-то сила остановила мою руку с пультом. Я смотрел в экран, слышал сбивчиво-возбужденный голос диктора, вещавший о диких подробностях разыгравшейся драмы, а видел перед собой своего отца. Я прекрасно помнил его образ, каждую его морщинку, родинку, рано поседевшие виски, его пронизательные, глубокие глаза. Он иногда бывал строг со мной, но, по сути, ближе его у меня никого не было. Так сложилось, что у меня вообще не было друзей, за исключением разве что Кирилла, которого я знал с детства.

Так что отец был мне не только родителем, но и лучшим другом. И сейчас я вдруг отчетливо понял, что его исчезновение действительно может быть связано с этим маньяком. Боже, но так не хотелось верить в его смерть!

«Администрация края склоняется к тому, чтобы ввести на территории Каменска комендантский час...» – бубнил диктор, и я неожиданно почувствовал тошноту. Ну его на хрен, не могу на это смотреть. Я выключил телевизор, с тоской ловя себя на мысли, что для своих двадцати двух лет я имею уж слишком чувствительный характер, прямо кисейная барышня. Даже когда мы с Викой и ребятами из ее группы пошли смотреть какой-то ужастик, что-то вроде «Техасской резни бензопилой», я выдержал в зале ровно двадцать минут, после чего ушел, поняв, что смотреть эти кровавые мерзости выше моих сил.

Звонок в дверь раздался так неожиданно, что я вздрогнул.

– Кто? – с замиранием сердца спросил я, чувствуя, как предательски трясутся руки. Память услужливо подкинула мне недавно увиденный репортаж про изувеченного охотника, и сердце мое заколотилось.

– Арч, открой, это Кирилл! – прозвучало за дверью, и я облегченно вздохнул.

– Что-то случилось? – задал я вопрос, впуская друга внутрь. Кирилл ввалился в комнату, неся с собой шлейф перегара. Я поморщился.

– Я... хочу поговорить с тобой, – икнув, сообщил он, доставая из-за пазухи бутылку водки. Он поднял на меня осоловелые глаза:

– У тебя закуска найдется?

– Найдется, а что все-таки случилось? – переспросил я, не трогаясь с места. – Не стремно тебе в такое время ходить? Телевизор смотришь?

– Фуфло все это, – выдохнул Кирилл, распечатывая бутылку. – Не верю я в этих чикатил.

У него что-то не получалось, и он, выругавшись, стал сдирать пробку зубами.

– Подожди, я принесу что-нибудь, – сказал я.

Через пять минут мы сидели на кухне за столом, на котором я собрал нехитрую закуску для Кирилла. Тот был мрачен, под глазами залегли глубокие тени, накидывая ему лишнюю пятерку лет. Он все порывался налить и мне, но я отказался, и он накачивался в гордом одиночестве.

– Ты ведь помнишь Аньку, а? – прожигая меня пьяным взглядом, спросил он. – Ты же вроде с ней в одном саду был?

– Ну, вроде того, – осторожно ответил я, начиная понимать, зачем он пришел. Несколько лет назад они встречались, но потом Анна, эффектная брюнетка со сногшибательной фигуркой, выскочила замуж за какого-то бизнесмена и навсегда исчезла из нашей компании. Несколько лет назад она заняла первое место среди красавиц края, и теперь ее видели только в окне навороченной иномарки, откуда она могла помахать рукой в знак приветствия. Кирилл же не желал с этим мириться, хотя и ослу было ясно, что они не пара и назад пути нет, но бедняга изо всех сил пытался склеить разбитую вазу и вернуть себе расположение девушки. Анна родила девочку, у нее была совершенно другая жизнь, а упрямый Кирилл продолжал обрывать ей телефоны, караулить во дворах, пока у мужа Анны не лопнуло терпение и нанятые им мордовороты не накостыляли по шее новоиспеченному Ромео.

– Представляешь, у нее вчера день рождения был. Я звонил, звонил, а она, стерва, «симку» поменяла, – злился Кирилл, наполняя стакан. – А я, дурак, на подарок два месяца копил.

Я молча смотрел на друга детства. В таком виде он был и жалок, и противен одновременно. Неужели он ничего не понимает?

– Так вот, Арч, я тут подумал... может, как-нибудь скажешь ей при встрече, что я хочу с ней поговорить? А? В последний раз!

Я вздохнул. Этих «последних» разов, насколько я знал, было как минимум тридцать, и каждый из них имел одинаковый финал – истерику и взаимные оскорбления. Тем более кто меня подпустит к Анне, при ее нынешнем-то статусе?

– Если увижу, скажу, – пообещал я, хотя в душе вряд ли верил в то, что говорил, – мне просто до смерти надоел пьяный Кирилл, и я подумывал, как бы его выпроводить домой. Но он, похоже, и не думал никуда уходить, а только и делал, что подливал себе, постепенно упиваясь до полного аута.

– Мне кто-то... кто-то сказал... ик!.. что этот хмырь бьет ее! Понимаешь? Бьет ее и ребенка, – как страшную тайну поведал мне Кирилл. Я вежливо промолчал, надеясь, что отсутствие комментариев на высказывания моего друга умерит его пыл и он успокоится. Но все вышло наоборот, он распалял себя, как костер, в который все время подбрасывают новые поленья. – Я хочу поехать к ней. Ты дашь мне денег на такси? – Кирилл вперил в меня свои стеклянные глаза.

– Послушай...

– Тебе жаль денег? – недобро прищурился Кирилл.

– Не жаль. Но и ехать тебе сейчас нельзя, – отрезал я. – Ты все только испортишь. Ее муж из тебя котлету сделает.

– Тогда я сейчас выйду, поймаю тачку и приставлю к горлу водилы вот это, – неожиданно в руке Кирилла появился нож с тускло блеснувшим лезвием. – И с мужем найду общий язык.

Я опешил.

– Кир, ты в своем уме? – заговорил я. – В тюрьму захотел?

– А мне по херу тюрьма, когда Аньки со мной нет, – рявкнул Кирилл и с неохотой убрал нож. – Арч, ты не обижайся... просто нервный я стал немного.

– Да я уж вижу, – протянул я, слегка ошалев от выходки друга.

– Ладно. Давай так, я поеду к себе домой, а про этот разговор мы забыли. Окей? – спросил Кирилл и пытливо посмотрел на меня. – А ты мне даешь бабла доехать до дома.

– Хорошо, – подумав, сказал я. – Только ты оставляешь нож у меня. Позже я тебе его верну.

Кирилл пожал плечами, и от меня не ускользнуло, как на его лице мелькнула странная тень.

Я забрал у него нож и, зайдя в гостиную, положил его в глубокую вазу на серванте. Потом достал конверт со своим «НЗ», отсчитал сумму, которой должно было хватить этому пьянице добраться домой, и вышел в коридор. Кирилл, ворча и пошатываясь, пытался зашнуровать ботинки.

– А мобила моя где? – вдруг встрепенулся он, хлопая себя по карманам. – Арч, посмотри на кухне.

Я сходил на кухню и протянул Кириллу телефон.

– Ну пока, брателла, – хитро прищурившись, сказал он и хлопнул дверью.

Я прошел в комнату. Нет, до чего же идиот! Собрался ехать в таком состоянии выяснять отношения. Разобрав постель, я уже хотел укладываться, как вдруг мне в голову пришла мысль перепрятать нож. Нечего ему в вазе лежать.

Я пошарил руками в вазе, чувствуя, как внутри, откуда-то из самой глубины медленно поднимается холодная паника. Ножа не было. Я выглянул в окно, в надежде, что Кирилл не успел уйти далеко. Темень хоть глаза выколи.

– Кирилл! – позвал я, но ответом мне была тишина.

В каком-то трансе я вернулся в комнату. Господи, неужели этот болван стырил нож, пока я ходил на кухню за мобильником? Я прошел в прихожую и обвел взглядом коридор. Мой взор тут же уперся в громадное зеркало на стене, которое, как я помнил до сих пор, вешали мы с отцом. И если в него смотреть, то было прекрасно видно, что происходит в гостиной. Я набрал номер Кирилла, но в ответ женский голос безучастно сообщил, что абонент находится вне зоны доступа.

Я лег на кровать, стараясь отогнать дурные мысли. Может, он действительно поехал домой?

* * *

Все эти дни Виктор крутился как белка в колесе, и родные определяли его появление дома только по исчезающим продуктам в холодильнике. Он мчался на работу, когда еще только просыпалось солнце и все спали, а возвращался далеко за полночь, когда тоже все лежали в постелях.

Однажды его отец, ветеран Афгана, которого мучила бессонница, застал сына за тем, как тот, обжигаясь, пил чай, торопливо проглатывая бутерброды. Арсений Иванович сел на стул, отодвинув в сторону протез, – ногу оторвало в восемьдесят четвертом, во время засады недалеко от Кандагара. Он молча смотрел на сына, пряча в душе любовь и нежность к нему. Он уважал Виктора за преданность работе, но ему было больно видеть, как тот изнашивал себя сутками напролет.

– Сегодня опять поздно придешь? – осмелился спросить Арсений Иванович. Виктор пожал плечами.

– Это не от меня зависит. Пока какая-то мразь будет потрошить людей, спокойно спать я не буду.

Арсений Иванович хмуро молчал, чувствуя, как начинает покалывать нога.

– Тебе уже говорила Вика? Они хотят на выпускной вечер ехать в «Долину Гномов», – сказал он после паузы.

– Нет, не говорила, – насторожился Виктор. Он надел кобуру, поправил ремень и добавил:

– Нечего там им делать. Какая-то долина черт-те где, да еще в такое время... Я с ней поговорю.

– Поговори, – согласно кивнул Арсений Иванович. – Я слышал, она с каким-то парнем встречалась?

– «С каким-то», – фыркнул Виктор, убирая кружку и блюдце в раковину. – Совсем от жизни отстал, батя. Это Артур, сын нашего Малышева, помнишь, который пропал?

– Гм... ну да, – не совсем уверенно произнес Арсений Иванович, медленно массируя ногу с протезом.

– Нормальный пацан, юрфак заканчивает, может, к нам работать пойдет, – продолжал Виктор. Он кинул в рот жевательную резинку, мимоходом обнял отца, тот только успел сказать:

– Витя, аккуратнее!

Улыбнувшись, Виктор вышел за дверь.

Он сел в свою старенькую «девятку», которая завелась лишь с четвертого раза, после чего рванул в Управление.

Он ехал и анализировал проделанную работу по убийству Ставченко. И был вынужден сделать вывод, что ни на йоту не приблизился к загадочному убийце. Он и еще несколько оперативников рыскали день и ночь, проверяя алиби тех или иных подозрительных лиц, но пока ни одной зацепки.

Как он и предполагал, ни на палке, ни на бутылке из-под уксуса отпечатков пальцев не обнаружили. При вскрытии тела Ставченко в его желудке нашли крохотный кусочек фруктового леденца, именно от него и была найдена обертка на участке погибшего. Но это ровным счетом ничего не доказывало. Что-то подсказывало сыщику, что он выбрал не совсем то направление, которое могло

бы привести его к разгадке преступления, и он ломал голову, пытаясь понять, что же он упустил из виду, какую важную ниточку не заметил. Грела, если было можно так выразиться, только одна мысль – маньяк трепетно относился к орудиям своих зверств, не оставляя их на месте преступления, и Виктор был уверен, что рано или поздно какая-нибудь вещичка обязательно всплывет.

Он вошел в кабинет, мысленно составляя план действий на сегодняшний день, когда к нему заглянул дежурный и протянул какой-то листок:

– Боков, Васильич сказал, чтобы я тебе это отдал.

Виктор молча забрал документ и пробежался глазами по написанному. Шифрограмма из колонии строгого режима. Так-так... «20 июня 2009 г., примерно в 18.00 из ИТК по Алтайскому краю совершили побег осужденные Багров И.М., Яшкин Д.С. и Лепетов С.А. Нанесли телесные повреждения мл. сержанту вн. войск Сергееву В.С., забрали у него ключи, после чего покинули пределы ИТК. В ходе оперативно-разыскных мероприятий Багров и Яшкин были задержаны, местонахождение Лепетова до сих пор не установлено...»

Как только Виктор закончил читать, зазвонил внутренний телефон.

– Читал ориентировку про побег из зоны, Боков? – ворвался в трубку голос полковника.

– Так точно, Семен Васильевич.

– Вот, значит, и думай, откуда ноги могут расти. А ты все – Живодер, Живодер...

У начальника был такой радостный голос, словно маньяк уже пойман и в настоящий момент его в автозаке везут к ним в Управление.

– Семен Васильевич, убийство Ставченко произошло около восьми вечера. Если даже этот Лепетов проделал из зоны пятидесятикилометровое расстояние за два часа, сомневаюсь, что это он разделался с охот...

– Ищите зэка, едрен-батон! – проревел Семен Васильевич. – И пока не поймаете, на глаза мне не попадайся! Шерлок Холмс, понимаешь!

С ледяной улыбкой Боков положил трубку. В кабинет снова заглянул дежурный.

– Боков, ты уж прости, но придется тебе принять заявление. Фомин отъехал, у него мать заболела, а он сегодня должен быть на приеме. Кроме тебя больше некому.

– Ладно, пусть заходят, – вздохнул Виктор. – Что там?

– Да вроде жена у какого-то нувориша пропала. Я хотел его отшить, мало ли где его краля шастает, а он ни в какую. Ты уж там сам посмотри, что к чему.

– Хорошо.

Через минуту в кабинет Бокова ввалился насмерть перепуганный мужчина лет тридцати пяти в дорогом костюме. От него шел запах изысканного парфюма.

– Что у вас? – спросил Виктор, доставая бланк протокола.

– Помогите... жена, Анечка... пропала вместе с дочкой, – прохрипел мужчина, вытирая взмокший от пота лоб.

* * *

Сегодня у нас была консультация перед выпускным экзаменом. Ничего интересного, предстояло сдавать гражданское право, а я знал его как свои пять пальцев, поэтому откровенно скучал, вполуха слушая нелепые вопросы однокурсников. Неожиданно я поймал себя на мысли, что мне вообще начинает надоедать этот городок. Что я буду тут делать после института? Идти работать ментом, как мой отец? Зачем? Чтобы в один прекрасный день исчезнуть без следа?

Может, махнуть в Москву? Попробовать свои силы в аспирантуре, я как раз уверенно шел на красный диплом.

Консультация закончилась, и я включил телефон. На него моментально пришло два СМС-сообщения, от Вики. Ого! «Идем купаться, будут все», «Перезвони!»,

что я и сделал.

Голос Вики ворвался в трубку, как свежий бриз:

– Малышев, ты где там застрял?! Мы на речке, как всегда, Женька мяса взял, сейчас шашлык забацаем!

– Иду, – торопливо сказал я. Отключив телефон, я подумал о том, что на мне нет плавок, да и воды я, откровенно говоря, побаиваюсь. А и ладно.

Ребята собрались на берегу Рады, узкой, но чрезвычайно глубокой и стремительной речушки. Там, где мы обычно собирались, росла высоченная сосна с тарзанкой, которую собственноручно привязывал Кирилл. На берегу сидели Вика, Костя, Женя и Марина со своей неизменной подружкой Катей (они всюду таскались вместе, и я всерьез подумывал, что они лесбиянки).

– А где твой Кирилл? – сказал Костя, раскладывая небольшой костерок. – Вы же вроде как хрен и уксус, все время вдвоем.

– Хм... я ему не нянька, – промямлил я, решив снова позвонить Кириллу. Абонент снова недоступен. Интересно, где он шляется?

– Так что насчет выпускного? – спросил Женя, широкоплечий крепыш.

– Вроде обо всем договорились, – сказала Катя. – Я уже своим старикам сказала, они не против, и денежку спонсируют.

– А у меня проблемы, – вдруг мрачно сказала Вика. – Братец, как узнал про «Долину Гномов», словно взбесился. А тут еще это убийство...

– Да уж, – проговорил Костя, раздувая костер. – Прямо на улицу не высовывайся теперь. Наверняка какой-нибудь озабоченный шизик, у которого в детстве были проблемы. Ладно, не грузись, Викуль, уломаем твоего братика.

– Я составила список покупок, – подала голос Марина. – Нужно выбрать день и проехаться по магазинам.

– Ладно, это не проблема, – сказал Женя. – Пошли купаться? – предложил он.

– Ну а ты что? – насмешливо спросила Вика, поднимаясь на ноги. Она стряхнула с плоского живота травинку. – Или плавать ты тоже... того? Не можешь?

Ненависть вспыхнула внутри меня внезапно, и я даже опешил от такой резкой перемены настроения. Я исподлобья глядел на Вику, на ее ехидно ухмыляющуюся мордашку, и у меня почему-то возникло страстное желание схватить эту девку за волосы и окунуть в воду, держа до тех пор, пока ее легкие не наполнятся водой.

Вика перестала улыбаться и стала торопливо спускаться к воде.

– Ты чего, Арч? – спросил Костя. – Так и будешь пнем сидеть? Пошли окунемся, у нас и пиво там охлаждается.

– Я... за рулем, – невнятно проговорил я, провожая взглядом Вику. Женя проследил за моим взглядом и усмехнулся:

– Что, хороша телка? Я тоже оценил ее буфера. Кстати, она, насколько я знаю, девчонка свободного нрава. Так что смотри...

– Перестань, – с трудом выдавил я из себя.

Женя ухмыльнулся:

– Перестань? А что ты сделаешь, Арч? Если я захочу ее взнудать? Громко перднешь в знак протеста?

– Женёк, оставь его, – сказал Костя, подкидывая дрова. Он с плохо скрытой жалостью посмотрел на меня и произнес:

– Пошли окунемся. А ты, Артурчик, стереги шмотки.

Я вздохнул.

– Пора бы тебе мужиком стать, Арч, – наставительно сказал Костя, скидывая туфли. – А ты над каждой дохлой мухой сопли размазываешь. Нравится тебе телка – действуй, а не дрочи. Понял?

Я отвернулся, скрипнув зубами. Ну чего они все ко мне прицепились?

Костя уже начал спускаться, как у меня внезапно вырвалось:

– Подожди!

Костя удивленно смотрел на меня.

– Лера Мякина, новенькая, она ведь из вашей группы? – спросил я.

– Ну да. Только она почти не появляется в институте, – сказал он. – А что?

– Да так, – замялся я. – Мы... познакомились случайно.

– О, поздравляю, – иронично сказал Костя. – И что? Какие планы?

– Она поедет с нами на выпускной?

– Не знаю, – ответил он. – Она тебе что, понравилась?

Краснея, я пролепетал:

– Она красивая.

Костя округлил глаза, и его губы произвели звук, какие обычно слышны в туалетах.

«Ну и вкус у тебя, Малышев», – прочитал я по его глазам, и мне захотелось убить Костю.

– Может, оно и к лучшему, – вдруг сказал он. – Женька глаз на Вику положил, и она не против, так что ты не слишком на них в обиде будешь?

- Нне-ет, - промычал я. М-да, Вика даром времени не теряет.

- Ну что ж, тогда удачи с Лерой, - сказал Костя и кинулся к речке.

Они купались, прыгали в воду с тарзанки, хохотали, брызгались водой, ныряли, кувыркались, а я сидел на склоне, ожесточенно жевал травинку за травинкой и отчаянно потел - рубашку я так и не снял. И почему Лера не пошла вместе с ними?

Вскоре Вика вышла из воды, отжимая свои светлые волосы.

- Малышев, ты что, вообще никогда не раздеваешься? Или как в том мультике про Незнайку? Типа, утром все равно одеваться, зачем тогда вообще с себя снимать одежду?

- Я плохо реагирую на солнце, - сквозь зубы ответил я. - У меня... кожа слишком чувствительная.

Вика рассмеялась и присела на корточки. Женя передал ей бутылку пива, и она сделала глоток. Как бы между прочим, Женя приобнял ее за мокрое плечо, и Вика фальшиво ойкнула, но руку не убрала.

«Шлюха», - промелькнуло у меня.

Женя стал что-то нашептывать ей на ухо, и она покатилась со смеху. После чего они встали и направились в заросли. И эта Вика, эта похотливая сучка, которая еще пару дней назад лезла ко мне в штаны, даже не обернулась, хотя прекрасно видела, что я понял, чем они собрались заниматься там, в кустах.

Пока остальные ребята резвились в речке, я занялся шашлыком.

- Ммм, какие запахи! Эй, у нас уже слюнки текут! - крикнул Женя. Он появился из зарослей, ведя за руку Вику. На ее утомленно-расслабленном лице блуждала умиротворенная улыбка.

– Во, молодцы, шашлык сварганили, – произнес Женя, выбирая шампур покрупнее. Я с неприязнью смотрел на него. Внезапно зазвонил мобильный Вики, и, поговорив несколько секунд, она с удивленным видом протянула трубку мне:

– Это Витя. Хочет с тобой поговорить.

– Але? – осторожно спросил я, гадая про себя, зачем я мог понадобиться брату Вики.

– Артур, здравствуй, это Боков Виктор. Ты знаком с Кириллом Левиным?

– Ну да, – протянул я, чувствуя, что сейчас услышу что-то не очень хорошее.

– Когда ты видел его в последний раз?

Перед глазами пронесся сумасшедший калейдоскоп – пьяный Кирилл, треп насчет несчастной любви к Ане, нож... Боже, как я мог забыть?!

– Вчера. Он был у меня дома, – медленно, чуть ли не по слогам проговорил я.

Через час я сидел в отделении милиции возле кабинета Виктора. Пальцы беспорядочно перебирали ключи зажигания, они несколько раз падали, так как стали скользкими от пота, и я, чертыхаясь, подбирал их, ожидая, когда же меня вызовут. Что все-таки натворил Кирилл?!

Наконец дверь кабинета распахнулась, и в коридор вылетел бледный как смерть мужчина с взъерошенными волосами. Ничего не видя перед собой, он бросился к лестнице, доставая на ходу мобильный. Что-то в его лице мне показалось знакомым, и, лишь когда я вошел в кабинет, до меня дошло, что это муж Анны. Той самой, за которой волочился Кирилл.

– Зд...здравствуйте, – пискнул я, переминаясь в дверях. Виктор устало улыбнулся и широким жестом пригласил меня сесть за стол, который был доверху завален бумагами.

– Виктор... э-э... извините, забыл ваше отчество.

– Перестань, Артур, – отмахнулся оперативник, разбирая стол. – Как-никак я твоего отца знал.

Какая-то стопка документов, не удержавшись, полетела вниз, и Виктор выругался.

– Ты знаешь Анну Хотину?

– Хотину? – переспросил я.

– Я хотел сказать Шелестову, Хотина – это ее фамилия по мужу, – поправился Виктор. Он собрал бумаги с пола и кое-как уложил их на стул.

– Да, мы с ней ходили в один детский сад. Но с тех пор, как она вышла замуж, мы с ней давно не общались. Так, иногда виделись в городе.

– Когда ты в последний раз ее видел? – спросил Виктор.

Я напряг память.

– Ну... может, месяц назад, полтора, – нерешительно сказал я.

– Понятно, – вздохнул Виктор и стал вертеть в руках карандаш. – Вы ведь с Левиным Кириллом друзья, так?

– Да.

– Ты знал, что он пытался ухаживать за Хотиной даже после ее замужества?

Помедлив, я кивнул. Какой смысл было отрицать, это и так все знали.

– Расскажи как можно подробней о вашей последней встрече, – попросил Виктор, не переставая вертеть в руках карандаш. И я рассказал. Но когда зашла речь о ноже, я запнулся. Что-то подсказывало мне, что нельзя вот так с потрохами возводить поклеп на друга, ведь пока еще ничего не известно. С другой же стороны, я, без пяти минут дипломированный юрист, доподлинно

знал, что утаивание этих сведений для меня может закончиться серьезными проблемами.

– И что было дальше? – поторопил меня Виктор.

Помявшись, я все же принял решение быть откровенным до конца и рассказал про нож, про то, как я его спрятал, а потом, пока ходил за телефоном Кирилла, он каким-то таинственным образом исчез. Лицо Виктора после моих слов окаменело.

– Его с того вечера не было дома, – сказал он. – Как раз тогда, когда пропала Хотина. Между прочим, исчезла также ее пятилетняя дочь. Муж Хотиной утверждает, что Левин неоднократно подкарауливал Анну, угрожал.

Я разбито молчал. Что я мог сказать? Кирилл был очень вспыльчив и не всегда контролировал себя, особенно когда был на взводе, а на взводе он находился последние три месяца, это как пить дать.

– Ладно. Иди домой, Артур. И получше запри дверь. Что-то нехорошее творится у нас в городе, вот что я тебе скажу, – произнес Виктор.

Я уже хотел встать, как он сказал:

– Да, Артур. У нас на днях в отделе было совещание. В общем, мы решили оказать тебе небольшую помощь, ну, ты понимаешь. Твой отец...

Договорить я ему не дал.

– Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, – едва не срываясь на крик, перебил я его. – И поминки по моему отцу рано устроили. Я не верю, что он мертв, понимаете?!

Не дожидаясь ответа, я выскочил за дверь, чувствуя, как глаза влажнеют от слез.

– Бедный пацан, – покачал головой Виктор и посмотрел на конверт с деньгами. – А, черт!

* * *

Близилось веселое Представление. Оно чувствовало это всеми порами кожи, оно впитывало ощущения праздника в себя, разгоняя по сосудам вместе с кровью, и осознание приближающегося увеселительного зрелища заставляло сердце учащенно биться.

Солнце уже клонилось к горизонту, и оно спешило, приготавливая парадный костюм. Тщательно выстирало халат, аккуратно отутюжило, расправляя каждую складочку, не забывая про все уголки, шовчики, потом проверило помпошки, эти прекрасные оранжевые помпошки, ведь это неотъемлемый атрибут любого клоуна, но оно ведь не любое, оно избранное, можно сказать, Единственное в своем роде. Теперь перчатки, проверим каждый пальчик, чтобы ни одной дырочки, ни одной царапинки. Потом колпачок. Чистой фланелью оно протерло звездочки до зеркального состояния, сдуло невидимые пылинки, после чего расчесало фиолетовую шевелюру. Затем носик. Обследовало резинку, к которой он крепился, – оно всегда следило за резинкой, потому что однажды имело неосторожность забыть об этом, и в самый ответственный момент она порвалась. Далее широкие панталоны, башмачки. Последние, конечно, не очень удобны, но чем не пожертвуешь ради зрелищного Представления!

Было еще одно новшество, для этого оно перелопатило массу информации о фокусах и клоунских приемах. Это искусственные слезы, которые при необходимости били мощной струей, больше напоминая струю из пениса, хе-хе, но в этом-то и была самая хохма.

Существо упаковало все это в невзрачный потрепанный рюкзачок. Туда же отправился и сверток, довольно тяжелый, в нем что-то глухо позвякивало. Напоследок в рюкзак отправился маленький магнитофон.

Оно ухмыльнулось и, сморщив нос, громко чихнуло. Потревоженные этим звуком мельчайшие пылинки беспокойным хороводом закружились в отблесках заходящего солнца.

* * *

Антон Викторович клевал носом. Изредка он вздрагивал, щипал себя за руку или давал болезненную пощечину, в общем, делал все возможное, чтобы не уснуть за рулем. Золотое правило в этих случаях «остановись и поспи» никоим образом не могло быть выполнено, поскольку он и так уже не укладывался в отведенное ему фирмой время, да и товар в его фуру был специфический – палтус, а рыба, особенно в такую погоду, ждать не будет. К тому же до Каменска оставалось около двадцати километров, и уж тогда он, выгрузив товар, со спокойной душой отправится спать и будет спать целые сутки. Бог ты мой, какое это блаженство, распрямить затекшие конечности, вытянуть спину, чувствуя, как хрустнут позвонки, скинуть эти тесные туфли...

Веки дальнобойщика медленно опускались, дыхание становилось ровным, и он бы уснул прямо за рулем на пустынной дороге в полпятого утра, как вдруг впереди на трассе внезапно возникло какое-то движение, и это подействовало на него как отрезвляющий душ, а всмотревшись внимательнее, он чуть не закричал. Ребенок, девочка, она шла прямо посередине дороги, качаясь из стороны в сторону, будто пьяная, и до нее оставались считанные метры. Выматерившись, Антон Викторович повернул руль влево, нога вдавила педаль тормоза в пол. Завизжали покрышки, нещадно съедаемые зернистой поверхностью асфальта, он закрутил руль, чудом не сбив девочку. Он был так близок от нее, что платье ребенка всколыхнулось от воздушного потока. Многотонный прицеп болтало из стороны в сторону, сзади что-то зловеще скрежетало, и Антон Викторович уже мысленно прощался с жизнью, ожидая, что в следующее мгновение опрокинется в кювет, но, к счастью, фура удержалась на дороге. От тормозного пути шел дым, пахло горелой резиной. Девочка продолжала идти странно-болтающейся походкой, словно во сне, она будто и не замечала гигантскую машину рядом с собой и побелевшее лицо водителя, который с проклятьями вылезал наружу.

– Эй! Пстой! – крикнул он, соскакивая вниз и догоняя девочку. – Тьфу ты, да стой же!

Он схватил ее за плечо и повернул к себе. Гневный окрик, который он собирался обрушить на малышку, застрял у него в глотке. Ему было далеко за сорок, он многое повидал на свете, но еще никогда не доводилось видеть подобное выражение глаз у ребенка. В них прятался дикий, первобытный ужас, словно эта девочка побывала в самой преисподней. Она послушно остановилась, глядя на Антона Викторовича и в то же время куда-то сквозь него, сосредоточенно посасывая палец. Губы девочки были искусаны, одна ножка без туфельки, банты

развязались и грязными паклями лежали на ее худеньких плечиках.

– Что с тобой? – как можно мягче спросил Антон Викторович. Он хотел вытащить палец малышки изо рта, но с таким же успехом он мог бы попытаться сдвинуть с места свою фуру. – Девочка, ты потерялась?

Она молчала, продолжая грызть палец, и Антон Викторович не раздумывая схватил ребенка в охапку и понес в машину. Черт с ней, с рыбой, ее нужно срочно в больницу. Или в милицию? Может, ее ищут?

Он усадил девочку на сиденье и с опаской взглянул на нее.

– Кто ты? И что с тобой случилось, кроха? – тревожно прошептал он. Девочка молчала. Антон Викторович покачал головой, трогаясь с места. Неожиданно он обратил внимание, что подбородок, кисти рук и верх платья девочки вымазаны чем-то белым, словно известкой или краской. Он коснулся пальцем вещества и осторожно поднес к носу. Принюхался, после чего, решив рискнуть, дотронулся кончиком языка. Затем уставился на дорогу, искоса поглядывая на замершего ребенка. Если он не ошибается, то пятна на ее лице и платье были сладким кремом, которым заправляют торты или пирожные.

– Цилк, – вдруг разлепила потрескавшиеся губы девочка, глядя на дорогу невидящим взглядом. – Цилк, – тише повторила она. Антону Викторовичу стало не по себе, и он поддал газу.

В пять утра фура остановилась возле городской больницы. Антону Викторовичу не пришлось долго объяснять случившееся – фотографии пропавшей девочки Лилии и ее мамы Анны Хотинной висели на каждом углу Каменска вот уже третий день. В том числе и на информационном стенде самой больницы.

Из приемной позвонили в милицию, и вскоре туда уже мчался Боков.

– Где она?! – рявкнул он, влетев в приемное отделение.

– В санитарской комнате. Ей сделали укол, успокоительное, – сказала пожилая сестра, поправляя очки. – Господи, да что же это такое делается?..

Но Боков уже не слушал ее, он неся по коридору. Полы незастегнутого халата трепетали, как крылья раненой птицы. Залетев в кабинет, он остановился как вкопанный. Лиля, точно, это она. Две медсестры, уговаривая, тщетно пытались высвободить пальчик крохи изо рта. Девочка только плотнее сжимала свои маленькие челюсти.

– Выйдите, – строго сказала врач.

– Я из милиции, – возразил Виктор, внутренне понимая, что сейчас он вряд ли чего-то добьется от ребенка.

– Да хоть сам президент, – тоном, исключаящим компромиссы, заявила женщина, и прежде чем Боков успел открыть рот, она захлопнула перед ним дверь. Чертыхнувшись, Виктор набрал номер мужа Анны Хотинной.

– Владимир? Это Виктор, из розыска. Лиля нашлась, она в городской больнице. Да, ее осматривают. Нет, насчет Анны ничего пока не знаю, я сам только что приехал... Да, жду.

Три дня назад

Начинало смеркаться. По пустой, прогретой солнцем трассе мчалась бежевая «Тойота Камри».

– Сиди смирно, – сказала Анна, видя, что Лиля снова заерзала на сиденье.

– Когда мы плиедем? – капризно надула губки Лиля, вертя по сторонам головкой. – Я устала и хочу пить.

– Сейчас заправим машинку и поедем домой, – ответила женщина. До их дома оставалось совсем немного, но стрелка топливного датчика уже приближалась к нулю, и Анна не хотела встать где-то посреди дороги с пустым баком.

Лиля вздохнула, нетерпеливо теребя страховочный ремешок. Вскоре они остановились у заправки, и Анна, наказав дочери сидеть смирно, пошла к кассе. По дороге она окинула равнодушным взглядом полуразрушенный продуктовый ларек в нескольких метрах от АЗС, который сгорел пару лет назад, а

отремонтировать его или снести ни у кого руки не доходили. Ни она, ни Лиля не видели, как оттуда кто-то осторожно выглянул, внимательно разглядывая их автомобиль.

Кассир, полная женщина с мясистым лицом, приняла от Анны кредитную карту, заметив:

– Вы уж извините, но заправщик приболел, вам придется самой все сделать.

– Все в порядке, – махнула рукой Анна. Она обратила внимание на небольшой холодильник с различными напитками, стоявший рядом, и вспомнила о дочери. – У вас случайно нет прохладной минералки? Или сока?

– Есть, только все теплое, – ответила тетка. – Холодильник отключили. Сколько заливать?

Пока они разговаривали, к «Тойоте», пригибаясь, тенью скользнула невзрачная фигура. Машина стояла таким образом, что ни толстуха, ни Анна ее не заметили.

Подумав, Анна решила не брать воду – до дома осталось минут десять езды, Лиля потерпит. Толстуха включила подачу топлива, и Анна направилась к машине. Зазвонил мобильный, муж интересовался, когда они приедут. Анна сказала, что скоро.

Заливая бензин в бак и рассеянно наблюдая за мелькающими цифрами счетчика, она услышала, что ее дочь смеется и что-то оживленно лопочет. Когда бак был заполнен, Анна вернула «пистолет» в держатель колонки и села в машину. Лиля продолжала хихикать, то и дело оборачиваясь.

– Что тебя так развеселило? – спросила Анна, включая зажигание. Автомобиль выехал с заправки. – И откуда у тебя это? – она указала на воздушный шар в виде забавного зайца, который держала в руках Лиля.

– Мама, это мне клоун подалил. Он из цилка к нам плехал, – радостно сообщила Лиля. – В гости.

– Клоун? – недоуменно спросила Анна. – Откуда здесь взяться клоуну, котенок?

Лиля снова засмеялась, словно ее щекотал кто-то невидимый.

– Вылезай, клоун! – воскликнула она, оборачиваясь. Внезапно Анну охватило странно тревожное чувство, будто где-то в глубине желудка заворочался сонный зверек, маленький, но с очень острыми коготками. Она посмотрела в зеркало заднего вида и едва удержалась от крика – с заднего сиденья поднималось какое-то невообразимое существо, с раскрашенным лицом, в нелепом колпаке и с красным носом. Господи, и правда клоун. Или она тронулась?!

Лиля засмеялась, и клоун подхватил смех девочки, гнусаво хохоча.

Анна собралась затормозить, но клоун предостерегающе сказал:

– Прошу вас, не делайте этого.

– Как... Что вы делаете в моей машине?! – Анна чуть не задохнулась от возмущения. – Немедленно выйдите!

Клоун грустно наклонил голову:

– А вот ваша дочь вряд ли одобрит такое решение. Правда, Лилечка?

Анна не верила своим глазам – каким образом это чучело умудрилось залезть к ним в машину? Неужели пока она расплачивалась за бензин? Она остановила «Тойоту» на обочине.

– Выметайтесь, – холодно сказала она.

– Ай-я-яй, – зацокал языком клоун. – Зачем же так грубо... Аня.

– Откуда вы меня знаете? – подозрительно спросила Анна.

– Мамочка, не надо, – захныкала Лиля. – Он смешной. С ним интелесно!

Но Анна не слушала дочь. Преисполненная решимости вышвырнуть это разрисованное убожество из салона автомобиля, она стремительно вышла

наружу и открыла заднюю дверь.

– Вы отстали от своего цирка? – с ледяной вежливостью поинтересовалась она. – Мне очень жаль, но, если вы не выйдете через секунду, я позвоню в милицию.

На блестящей от грима физиономии клоуна зазмеилась недобрая ухмылка:

– Мой цирк со мной, дорогуша. Это вы. Не нужно нервничать. Хотите леденец?

– Пошел вон! – вышла из себя Анна, и вдруг замерла – на нее уставилось черное дуло пистолета.

– Могу вас уверить, что он настоящий, – проворковал клоун. – Вы же не захотите проверить, правду я говорю или нет?

Лиля, просунув голову между сиденьями, с изумлением глядела на эту сцену.

– Дайте ваш мобильный. Идите в машину, – тихо скомандовал клоун, когда телефон переключался в его руку. Передавая трубку, Анна ненароком коснулась гладкой перчатки клоуна и вздрогнула – ощущения были сродни паучьему прикосновению.

Существо в маскарade захлопнуло дверь. Анна не двигалась, плотно сжав губы. Ее рассудок все еще не желал осознавать, что это происходит с ней и ее дочерью.

– Садитесь за руль. Если вы закричите или попытаетесь бежать, я убью вашу дочь, – так же тихо и ласково сказал клоун, переводя влюбленный взгляд на ошарашенную девочку. Анна поймала себя на мысли, что подобным тоном интересуются, как прошли выходные.

С нарастающим ужасом она поняла, что у нее действительно нет выхода. Трасса, где они остановились, обычно пустынна, заправка осталась за поворотом, да и тетка на кассе вряд ли видела этого уroda. Что же делать?!

– Будьте же благоразумны, – мягко сказал клоун. Он выключил мобильный Анны, потом передернул затвор пистолета, и этот щелчок словно сдвинул с места

какие-то нужные шестеренки в мозгу женщины. До нее стало постепенно доходить понимание происходящего, но от этого ей стало еще страшнее. Скорее всего, это и есть тот самый псих, о котором вот уже неделю говорит весь Каменск. Она также знала, что когда люди такого сорта (а люди ли они вообще?!) выдвигают какие-то требования, то с ними лучше не спорить и во всем соглашаться.

– Хорошо, – сказала она, стараясь придать своему голосу как можно больше безразличия и спокойствия. Ладно, она постарается вести себя как пай-девочка, и, если им повезет, она усыпит бдительность этого размалеванного придурка, а там видно будет. – Куда мы едем?

– На Представление, – хихикнул клоун, убирая пистолет. – Езжайте вперед, Аня, я покажу дорогу.

– Откуда ты меня знаешь? – снова спросила Анна.

– Я все про вас знаю, – лениво ответило существо и достало из кармана свернутую в трубочку бумажную ленту-язык. – Кстати, на «ты» мы с вами не переходили.

Клоун дунул, «язык», сверкнув цветными блестками, распрямился, словно кобра в момент броска, затем свернулся обратно. Распрямился, свернулся. И так несколько раз.

– Хочешь поиграть? – предложил клоун Лиле, но та испуганно завертела головкой. Она уже не улыбалась и со страхом переводила взгляд с мамы на этого странного клоуна, который сначала показался ей таким милым и веселым, а потом вдруг стал таким плохим. Клоун убрал «язык».

– Я знаю все про всех в этом городе, – безжизненным голосом сказал он. – Это мой город.

Смеркалось. Тронутая пылью «Тойота» на большой скорости летела по пустынной дороге в сторону лесного массива, все дальше удаляясь от города. И без того редкие дачные домики давно исчезли, вскоре пропали фонари, потом вышки линии электропередачи, асфальтовая дорога сменилась на грунтовую, потом она закончилась, уступив место лесной тропе с глубокими колеями, а

машина, которую обступали плотные стволы деревьев, все ехала и ехала, углубляясь в самую чащу.

* * *

Они въехали в лес, и «Тойота» сразу погрузилась в сумерки.

– Включите фары, – сказал клоун. – Вы ведь не хотите врезаться в дерево?

Анна послушно выполнила требование. Ветки деревьев висели так низко, что цепляли своими корявыми лапами корпус «Тойоты».

– Куда вы нас везете? – после небольшой паузы спросила Анна.

Клоун рассмеялся:

– Везете нас вы, дорогуша. Я просто подсказываю вам верный путь.

«Верный путь, – машинально проговорила про себя Анна, чувствуя, что ее сердце сейчас выскочит от страха через глотку. – Только куда приведет нас этот путь?»

– Я хочу пить, мама, – жалобно проговорила Лиля.

– Терпи, – только и могла сказать женщина, в душе ненавидя себя за эти слова и отчасти за то, что не купила воды на заправке.

– Мы уже скоро приедем, – произнес клоун и зевнул. – И я дам тебе попить... котенок.

Анна дернулась, как от пощечины. Откуда этому вырядившемуся чучелу известно, что она частенько так называет дочь?

– Скажите, вы действительно работаете в цирке? – задала она вопрос. Анна решила, что пора что-то предпринять, поскольку она даже боялась представить себе, что с ними собирается сделать это кошмарное создание ночью в глухом лесу.

– Отнюдь, – ответил клоун. – А вам-то какая разница?

– Вы сказали, что это ваш город, – произнесла Анна. – Значит, вы выросли тут и...

– Ох уж эти дурацкие вопросы, – добродушно прервал ее клоун и поправил сбившийся колпак. В темноте слабо блеснули приклеенные звездочки из фольги. – Анна, милая, избавьте меня от этой дешевки. Я смотрю в ваши глаза, отражающиеся в зеркале, и читаю: «Сейчас я буду задавать вопросы этому шизнику, пока он не расслабится, войду с ним в психологический контакт, постараюсь вникнуть в его сущность, узнать его слабые стороны, какие чувства его тревожат, затрону самые нежные струнки его души и подберу ключик к его сердцу...» Аня, это бывает только в третьесортных триллерах. Поверьте, я не из этой оперы. Я прочитало все о маньяках, я знаю о них намного больше, чем они сами о себе, так что не тратьте понапрасну время.

Подавленная тирадой клоуна, Анна даже не сразу сообразила, что он отзывается о себе в среднем роде.

– Послушайте, забирайте машину и оставьте нас в покое. Прошу вас! У моего мужа есть деньги, мы заплатим, сколько вам нужно!

– Сколько нужно, говорите? – Клоун сделал вид, что задумался. – И во сколько вы готовы оценить свою жизнь, Аня? И вашего котенка?

Анна едва сдержалась, чтобы не сорваться, так как слово «котенок» из размалеванных губ этого психа звучало особенно гадко и как-то липко.

– Не знаю, – сквозь зубы проговорила она. – Деньги у моего мужа. Уверена, вы останетесь довольны.

Клоун глубоко вздохнул:

– К моему большому сожалению, вынужден вас разочаровать. Деньги меня не интересуют.

– Вам нужно... мое тело? – вырвалось у Анны, и лишь одна мысль о том, с какой целью это клоунское отродье везет их с Лилей в лес, вызвала у нее тошноту и

безотчетный ужас.

Клоун с изумлением посмотрел на нее и пискляво захихикал:

– Боже, какая вы забавная, Анна. Если бы я и хотело поразвлечься, то вряд ли стало делать это с вами. Не обижайтесь, ваша внешность ни при чем. Вы роскошная женщина. Но я привыкло получать удовлетворение несколько иным способом.

– Вы женщина? – на всякий случай уточнила Анна.

– Опустим эти детали, они не имеют значения, – в голосе клоуна послышались нотки раздражения. Вдруг он встрепенулся:

– Сейчас будет небольшая полянка, я просил бы вас взять чуть-чуть правее, ага... вот, чудненько. А теперь можете глушить мотор.

Словно во сне, Анна сделала все, как было сказано.

– Не выключайте фары, – попросил клоун. Он чем-то зашуршал сзади, послышались булькающие звуки, потом он наклонился к Анне и, прежде чем она успела что-то понять, крепко прислонил к ее лицу тряпку, намоченную хлороформом. Женщина вздрогнула, и в следующую секунду ее тело обмякло. Лиля испуганно заплакала, закрыв лицо руками.

– Не ной, котенок, – засюсюкал клоун. – Мама просто поспит. А я, как и обещало, дам тебе водички.

Существо вылезло из машины, шурша своими широкими панталонами, и выволокло из машины ревущую девочку.

– Мамочка... хочу к маме, отпусти меня, ты плохой, – рыдала Лиля, размазывая слезы по щекам. Клоун молча подвел ее к небольшому столику, у которого стояло три раскладных стула. На один из них он силой усадил Лилю и взял со стола моток скотча.

– Сиди смиренно, а то не получишь воды, – пыхтело существо, плотно приматывая ноги ребенка к ножкам стула. Лиля заплакала еще сильнее, пытаясь вырваться, но клоун держал ее крепко, пока не закончил с руками. Оставшись довольным работой, он куда-то ушел.

– Мама!.. – всхлипывала Лиля. Еще никогда ей не было так страшно. Почему этот противный клоун не оставит их в покое?!

Внезапно в лесу вспыхнули фары, Лиля зажмурилась. Клоун вышел в свет и поднял руки вверх.

– До нашего Представления осталось всего три звонка! – торжественно провозгласил он и принялся за дело. Напив Лилю из пластиковой бутылки, он, повизгивая от возбуждения, стал как угорелый носиться по поляне, успевая при этом делать свои дела. Он повесил по всему периметру поляны шесть керосиновых ламп и зажег их, одинаково отрегулировав фитили на каждой. Потом достал из багажника машины несколько мотков гирлянд, воздушные шары и магнитофон.

– Я специально приготовило для тебя смешные песенки, – радостно сообщил клоун Лиле, которая продолжала биться в истерике. Он долго выбирал кассету, и вскоре из обшарпанных динамиков зазвучал незабываемый голос Румянцевой: «Друг в беде не бросит, лишнего не спросит, вот что значит настоящий, верный друг...»

Пока играла песня, клоун быстро развесил гирлянды, после чего занялся воздушными шарами. Когда он закончил, было видно, что он устал. Он проверил Анну – она все еще была без сознания. Удовлетворенно хмыкнув, он снова отправился к машине и вскоре вернулся, нагруженный стремянкой, банкой клея «ПВА», саперной лопаткой, длинным конусообразным шестом, ремнем с множеством пряжек и бутылкой растительного масла. Он вывалил все это возле огромной сосны, затем решил обновить макияж.

«...От улыбки в небе радуга проснется! Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз еще вернется...» – началась следующая песенка.

Закончив накладывать грим, клоун посмотрел на часы и засеменил к «Тойоте».

– Дяденька, не делайте ничего моей маме! – завизжала Лиля, трясась и подсакивая на стуле. В скудном освещении покачивающихся керосиновых ламп ее бледное личико блестело от слез.

Клоун вытащил из салона «Тойоты» тело Анны и с усилием поволок ее к столу.

– Мама, мамочка... – глотая слезы, безостановочно повторяла Лиля.

– Заткнись, – резко бросило существо.

«...и тогда наверняка вдруг запляшут облака», – неслось из динамиков.

Кряхтя, клоун не без труда усадил безвольное тело женщины на стул и скотчем примотал ее лодыжки и кисти, как сделал это с девочкой. Анна что-то невнятно пробормотала в полузабытьи.

Клоун отдышался, после чего в руках появился нашатырный спирт, и он сунул пузырек под нос Анне. Она застонала, приоткрыв глаза. Пока она приходила в себя, клоун снял с нее заколку, высвобождая густой поток каштановых волос.

– Мне всегда нравились ваши волосы, – с нескрываемым восхищением промолвил клоун. Он с благоговением взял одну прядь, понюхал ее и причмокнул от удовольствия.

Анна полностью открыла глаза и посмотрела на клоуна ясным взглядом. Она увидела связанную дочь, развешанные гирлянды с воздушными шарами, покачивающиеся на ветках керосинки, в ее расширенных глазах промелькнуло понимание происходящего, и губы женщины задрожали:

– Я прошу вас... очень прошу вас, отпустите ребенка. Делайте со мной что хотите, но не трогайте мою дочь. Я сделаю для вас что угодно!

Клоун поняливо кивнул и снова отправился к машине, на этот раз к своей. Анна со страхом смотрела на слепящие фары из темноты. Она подумала, что они похожи на злые глаза какого-то диковинного зверя. Значит, он приготовил все заранее? Он выбрал эту полянку, приехал сюда, загнал машину в кусты, затем вернулся на заправочную станцию, где-то переоделся в этот дурацкий маскарад

и специально поджидал их?!

Когда клоун вернулся и Анна увидела, что у него в руках, она не знала, плакать ей или смеяться. Шампанское, причем не из дешевых. И два изящных бокала на длинных ножках. На гладкой поверхности стекла мелькали огоньки от падающего света фар.

– Мы заслужили отдых, – самодовольно произнес клоун, неумело открывая шампанское. Брызнула пена, и больше половины содержимого бутылки вылилось на траву.

– Хм... Никогда не умело открывать эти противные пробки. У мужчин это всегда лучше получается.

Клоун осекся, искоса взглянув на Анну, но она, вне себя от страха, пропустила эту фразу мимо ушей.

«...прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете...»

– Вам нравятся песенки, которые я поставило вашему котенку, Анна? – спросил хвастливо клоун, разливая шампанское по бокалам. – Видите, как я уважаю вашу дочь, пусть наслаждается. А наша с вами очередь слушать музыку настанет буквально через пять минут. Прошу!

Он поднес бокал к губам Анны. Не желая злить клоуна, она отпила немного.

– Ка... какая очередь? – хрипло спросила она минутой позже.

– Увидите, – загадочно сказал клоун и сделал маленький глоточек, после чего картинно вытер уголки рта и поставил бокал на стол.

«Господи, эти жесты... да оно на женщину похоже!» – с изумлением подумала Анна.

Некоторое время клоун слушал песни, рассеянно барабанил пальцами по столу, потом вдруг резко спросил:

- Вы что-то говорили о цене?

- О цене? - После хлороформа Анна медленно соображала.

- Ну да, - нетерпеливо сказала существо, продолжая барабанить пальцами. Совершенно некстати Анна пришла к выводу, что, несмотря на то, что руки клоуна были облачены в перчатки, его пальцы были тонкими и длинными, как у пианиста.

«Или у женщины», - добавила она про себя. Если это отродье действительно женщина, то у нее есть шансы справиться с ней, пусть даже у той пистолет. Кстати, не факт, что это не муляж...

Словно читая ее мысли, откуда-то из многочисленных складок своих панталон клоун вытащил пистолет.

- Вы хотите, чтобы ваша дочь вернулась домой? - вкрадчиво спросил он.

- Да, да, боже мой! - крикнула Анна, на ее измученном лице засветилась надежда.

- Тогда я предлагаю сделку, - произнесло существо. Оно положило на стол сверток и неторопливо развернуло его, что-то бормоча. Анна сидела таким образом, что ей был виден только край стола, и она не могла понять, что происходит. И отпрянула, когда клоун наклонился к ней, держа в руке скальпель. Аккуратным движением он рассек скотч, освобождая левую руку Анны, и протянул хирургический инструмент оторопевшей женщине. В другой руке клоун держал пистолет, дуло которого было направлено в голову Лили.

- Условия очень просты, Аня, - начал говорить клоун. И от следующих слов, которые он произнес, Анна окончательно уверилась в том, что все происходящее не что иное, как кошмарный сон.

- Итак, жизнь котенка в обмен на вашу жизнь. Равноценный бартер, как вы считаете? Только один нюанс - вы сами лишаете себя жизни, Аня. Вот, держите скальпель.

Словно загипнотизированная, Анна послушно взяла скальпель, совершенно не чувствуя своих пальцев, их словно пришили от чужого человека. Нож хирурга был холодным, как приближающаяся ночь.

– Мне без разницы, как вы это сделаете. Хотите – воткните в глаз. Но если желаете полезного совета, лучше этого не делать, зеркала у меня нет, а без него вы можете промахнуться. Глаз вы, наверное, и выколете, но лезвие может не достигнуть мозга.

– МАМААААА!!!! – дико завизжала Лиля. Она так дергалась, что начала подпрыгивать вместе со стулом, и клоун дал ей пощечину. Голова девочки вяло мотнулась в сторону, и она потеряла сознание. Сиденье под ней стало мокрым – Лиля обмочилась от страха.

«...теперь я вместе с Геной, он необыкновенный...» – весело пел тем временем Чебурашка.

– Не смей ее трогать! – взывала Анна. Она крепко зажала скальпель в руке, глаза источали смертельную ненависть. Клоун прислонил ствол пистолета к виску поникшей головы Лили.

– Только попробуйте перерезать скотч, и ее мозги окажутся на этом столе. Никаких резких движений, дорогуша.

– Я убью тебя, – проскрипела Анна, сдувая с лица прядь волос.

– Вполне возможно, что вы попытаетесь, появившись у вас такая возможность, – невозмутимо сказал клоун. – На чем мы остановились? Ах да. Вы можете, к примеру, вскрыть себе вены, а можете перерезать глотку, все равно. К слову, если вы решили остановить свой выбор на венах, то имейте в виду, сейчас становится холодно и ваша рана быстро закупорится, кровь не сможет свободно течь. Придется делать новые надрезы. Вы будете умирать очень долго, хотя лично я никуда не спешу. Вопрос в том, нужны ли вам лишние страдания?

– Ладно, – бесцветным голосом проговорила Анна. – Здорово ты все придумал. Я убиваю себя, а что дальше? Как я могу быть уверена, что ты не тронешь моего ребенка?

– Никак, – широко улыбнулся клоун и почесал ухо. Внезапно он сунул в рот миниатюрную свистульку и, к изумлению Анны, оглушительно задудел. Звук был резким, пронзительным, как на футбольных матчах, он словно вгрызался в уши, словно новенькое сверло.

– Глупо в нашей ситуации давать какие-то гарантии, так ведь? – всласть наигравшись со свистулькой, рассудительно сказал клоун. – Вам просто остается верить мне на слово. Но, могу вас уверить, свое слово я держу. Как только ваш пульс остановится, я сажаю Лилю в машину и везу домой. К вашему мужу. Он наверняка уже места себе не находит, ломая голову, куда вы могли деться?

Анна чувствовала, как в уголках ее глаз собирается влага. Она скрипнула зубами – плакать никак нельзя, никак.

– Если я откажусь? – глухо спросила она, разглядывая скальпель. Интересно, если она кинет его в этого уroda, сможет ли попасть? Она не умела бросать ножи, а рисковать в ее положении сродни смертному приговору для Лили.

– Вы, конечно, вправе отказаться, это нормально, это ваше право выбора. Но в таком случае на этой арене вы становитесь лишь второстепенным артистом. А конференсье буду я, – подвел итог клоун.

– Что будет с Лилей? – тяжело дыша, спросила Анна.

– Еще не знаю, – призналось существо. – А вот для вас у меня приготовлен сюрприз, но, пока вы не приняли решение, мне нет смысла раскрывать его, понимаете?

Анна молчала, собираясь с мыслями.

– Мы теряем время, Аня, – подал голос клоун, нетерпеливо ерзая на стуле. – Вы определились?

Женщина была в смятении. Переосмыслив условия сделки, которые первоначально показались ей какой-то идиотской шуткой, она вдруг с пустой обреченностью осознала то, что клоун не шутил. И в какой-то момент она даже была готова поверить в то, что он действительно отпустил бы Лилю, убей она

себя.

«Да ты сошла с ума! – заверещал ее внутренний голос. – Такие выродки никогда не отпускают свидетелей...»

Но что ей делать? Боже, да она визжит от испуга, когда палец уколется, а сейчас ей предлагают убить себя? УБИТЬ СЕБЯ? С помощью скальпеля? Эта мысль показалась ей настолько дикой и чудовищно нелепой, что она истерично засмеялась, и в то же время перед ее глазами не исчезал образ дочери, такой беззащитной и трогательной.

– Анна, – напомнил о себе клоун, отпив из бокала шампанского.

Охнув, Анна откинулась назад. Какое-то чувство нереальности охватило ее, резкое помутнение нахлынуло как цунами, смывая все чувства, и она, всхлипнув, вонзила скальпель в правую руку, чуть выше локтя. Лезвие вошло в кожу мягко и без звука, как в кисель.

– Брависсимо! – оживился клоун, одобрительно хлопая ладонями. Звук был такой, словно кто-то шлепал босиком по паркету. – Пожалуй, пора сменить пластинку, то бишь кассету.

Он проворно соскользнул со стула и кинулся к рюкзачку выбирать кассету. Анна не мигая глядела на рану, которая напомнила ей рот какого-то злого существа. Кровь быстро заливала руку, от нее шел едва заметный пар. Господи, она сделала это!

Радостное восклицание клоуна подсказало пребывающей на грани умопомешательства женщине, что тот нашел нужную кассету, и по полянке поплыли мелодичные звуки органа. Иоганн Себастьян Бах, Анна даже недавно слышала это произведение... Только почему так кружится голова?

Она подняла голову, клоун вальсировал вокруг нее, держа в одной руке пистолет, а в другой – бокал с вином.

– Ну же, дорогуша, – ворковало существо, – у вас так замечательно начало получаться... только не теряйте сознание, прошу вас!

Глаза клоуна горели триумфом, рот приоткрылся, губы блестели от слюны, он тяжело задышал, как при совокуплении.

Внезапно Анну вырвало, прямо на колени. Задыхаясь, она со смешанным чувством ужаса и брезгливости разглядывала окровавленный скальпель. Нет, она точно сошла с ума!

Клоун прекратил танцевать и с недовольной миной следил за женщиной. Увидев следы рвоты, он брезгливо поморщился. Очевидно, поняв, что дальше разреза на руке дело не пойдет, он решительно подошел к Анне и заломил ей руку, выворачивая сустав, пока скальпель не выпал из ослабевших пальцев.

– Все. Все, все, – нежно сказал он, глядя ее по голове. – Простите меня, Аня. Я было жестоким к вам, не нужно было этого устраивать.

– Пожалуйста... Молю богом, отпустите нас! – зарыдала Анна. Клоун грустно покачал головой, после чего неожиданно ударил ее по голове пистолетом. Анна завалилась на бок, едва удерживаемая скотчем. Клоун сходил к своей машине и вернулся с аптечкой.

– Это не ваша вина, – шептал он, заботливо обрабатывая рану Анны. Промыв ее перекисью, он наложил повязку и умело забинтовал руку женщины. – Уж я-то знаю, что убить себя непросто, особенно если не торопишься на тот свет. Ну что ж, до нашего Представления остался последний звонок.

Клоун закончил перевязку, освободил конечности Анны от скотча и потащил женщину к сосне. Осторожно, почти с любовью, он уложил ее рядом со стремянкой, продел руки женщины сквозь петли в ремне, крепко затянув пряжки на подмышках. Со стороны казалось, что на Анне какая-то замысловатая наплечная кобура, к спине которой на толстом медном кольце крепилась длинная цепь. Он снова залепил ее кисти скотчем.

Далее клоун поднялся по стремянке, перебросив другой конец цепочки через толстую ветку. Затем спустился вниз и, вздохнув, зашагал к машине. Через минуту взревел мотор, и из чащи, ломая кусты, выехал автомобиль. Клоун аккуратно припарковал его возле сосны, зафиксировал цепь на бампере, сел в машину и стал понемногу сдавать назад. Бесчувственное тело Анны стало медленно приподниматься, зрелище было завораживающим и устрашающим

одновременно, будто оживший мертвец поднимался из могилы.

Когда макушка женщины оказалась ровно под веткой, клоун заглушил двигатель и включил ручной тормоз. Самая трудная часть работы была выполнена.

Немного отдохнув, он взял банку «ПВА» и, поднявшись по стремянке, обильно смазал ветку клеем. Дождавшись, когда клей немного подсохнет, он принялся разделять волосы Анны на пряди и по очереди завязывать их на ветке, заливая каждый узел новой порцией клея.

– Это на всякий случай, – сказал он, неизвестно к кому обращаясь. Затем, спустившись вниз, примерился к болтающимся ногам женщины, посмотрел вниз, начертил своим огромным башмаком крест и взял в руки саперную лопату. Отдуваясь и пыхтя, он принялся выкапывать яму. Его мутные глаза то и дело оглядывались на лежащий рядом конусообразный шест, он ежеминутно облизывался, словно в предвкушении изысканного ужина.

Через полчаса все было готово. Он надежно закрепил кол вертикально, поставив рядом бутылку с растительным маслом. После этого он отошел на несколько шагов назад, любуясь проделанной работой.

– Ну вот, – произнес клоун с чувством выполненного долга. – Все считают, что кол якобы выходит изо рта, но в летописях древних говорится, что чаще всего острие выходило между ребер или из-под подмышки казненного. Откуда оно выйдет у тебя, когда твои великолепные волосы больше не смогут держать твой вес, Аня? Держу пари, что через подмышку. Ребра – это как-то неэстетично. Преуспевающая, красивая женщина с потрясающей внешностью, сейчас ты болтаешься, как баранья нога на крюке...

Тело Анны медленно покачивалось, ее маленькие белые кроссовки изредка задевали вкопанный кол.

– Итак, последний звонок! – завопил клоун, хлопнув в ладоши. Суется и похрюкивая, он поменял кассету, поставив симфонию Моцарта. Потом достал из рюкзака хлопушку, выдернул шнур, раздался гулкий хлопок, и все пространство заискрилось от летающих конфетти. Клоун запрокинул шампанское, делая большие глотки и лоя раскрашенным лицом цветные чешуйки конфетти, потом

вытер губы и снова полез на стремянку. Клей уже «схватился», это хорошо. Он потянулся к цепи, но вдруг вспомнил о чем-то и извлек из кармана скальпель. Плотно улыбнувшись, он осторожно, стараясь не поранить женщину, сделал широкий надрез на ее джинсах в области промежности. Анна тихо застонала.

Пальцы клоуна зашевелились, как лапы какого-то опасного насекомого, и он, облизнувшись, отстегнул карабин, который соединял цепь с кожаными лямками. Тело Анны, теперь ничем не удерживаемое, повисло на собственных волосах, и от адской боли она моментально пришла в себя. Ее дикий, нечеловеческий крик заставил клоуна зажать уши, и он от неожиданности чуть не свалился со стремянки.

От крика пришла в себя Лиля и, недоуменно захлопав ресницами, скривила губы, готовая снова разреветься. Она пока не видела мать, но слышала ее душераздирающий крик, и от этого ей становилось еще страшней.

– А вот и я! – прокаркал клоун, появившись внезапно, как чертик из табакерки. В руках он торжественно держал белоснежный торт с вишенкой наверху. – Представление началось, – прошептал он, ставя торт на стол. – И оно будет долгим. Долгим. Очень долгим... Никаких антрактов...

Клоун развернул стул с Лилей так, чтобы она хорошо видела сосну, на которой, извиваясь в судорогах, тряслось тело матери.

– Не хочешь тортика? С ванилью? – откуда-то сверху услышала Лиля писклявый голос клоуна, и свет вокруг нее померк.

* * *

Степан Лепетов с трудом продирался сквозь густые заросли. Он и не предполагал, что лес окажется таким громадным. Его друзья Игорь и Димка предложили пойти порознь, и он вскоре потерял их из виду. Хотя, если быть до конца честным, он не особенно и хотел этого побега. В итоге вышло как в классике: «Все побежали, и я побежал». Подкоп делался не один день, и так сложилось, что Степана перевели в злосчастную камеру как раз накануне побега.

Здоровенный, высокий, под два метра ростом, Степан Лепетов был на удивление покладистым и уравновешенным парнем, а его простое лицо и наивные синие глаза, которые так восхищали девчонок на воле, и вовсе не вязались с его внушительными габаритами и громадными кулаками. Он вырос в селе, с детства привыкший к тяжелой работе, и в их роду все потомки по мужской линии были огромными, сильными и выносливыми. Мать рассказывала, что прадед одним ударом кулака мог оглушить или даже убить быка.

Он был как скала, но эта скала была спокойной и добродушной и не причиняла никому вреда. Степан и оказался-то в зоне по глупому стечению обстоятельств. Глупому, но роковому.

Как-то друг Жорка уговорил его пойти на свидание с девчонками.

Стеснительный девятнадцатилетний Степан после долгих уговоров согласился. Вечером, после танцев в местном Доме культуры (а какие еще развлечения прикажете искать молодежи в крошечном поселке, где всего одна кафешка на весь колхоз?), к ним пристала какая-то заезжая шпана. Слово за слово, началась драка. Девчонки убежали, а Степан бросился на выручку к Жорке – того уже вовсю мутузили. Наделенный от матушки-природы недюжинной силой, он без труда раскидал нападавших, как вдруг у одного из них в руке блеснул нож. Правда, воспользоваться оружием тот не успел, так как Степан огрел его пудовым кулаком по голове. Одного удара оказалось достаточным, чтобы парень отправился на тот свет, здоровья он был хилого, как потом пояснили эксперты. Хулиган – на кладбище, а Степан – прямиком в зону на два года за превышение пределов необходимой обороны.

Из положенного срока он отсидел полгода и мучительно скучал по дому. Когда он бежал вместе с сокамерниками, им двигала лишь одна цель – мама. Родная мамка, он так по ней скучает! То, что своими действиями он совершает еще одно преступление, Степана в тот момент как-то мало заботило. Это он осознал только сейчас и теперь отчаянно искал дорогу обратно в колонию. Но тщетно, никакого просвета среди высоченных деревьев не было и в помине, он бродил по этому лесу вторые сутки, дико проголодался и продрог. Ночью он пытался уснуть, спрятавшись за полусгнившим деревом, наломав себе вместо постели еловых веток, но сильно замерз и решил идти дальше. Он хотел лишь одного – выйти к людям.

Около четырех утра он наткнулся на куст ежевики и, царапая руки, обглодал его полностью. Однако ягоды не утолили его голод, а лишь раздражили аппетит, и

Степан брел дальше, спотыкаясь на каждом шагу.

Скоро он увидел, как впереди среди ветвей мелькнули какие-то цветные ленточки. И еще ему показалось, что оттуда доносятся странные звуки. Вроде какая-то медленная музыка. Степан убыстрил шаг, раздвигая руками ветки, и скоро очутился на странной полянке.

Он застыл на месте, раскрыв от изумления рот. Такое впечатление, что здесь недавно был цирк-шапито. На ветвях разноцветные гирлянды, воздушные шары и мишура, вся трава в блестках конфетти. Источником мелодичной музыки был издававший виды магнитофон «Филипс», подвешенный на сучок дерева. Посреди поляны стоял небольшой раскладной стол, а рядом на стуле... маленькая девочка, и Степан не поверил своим глазам – она была связана! Парень переменялся в лице и, не раздумывая, кинулся к ребенку. Упав на колени, он стал разматывать скотч, которым была привязана кроха. Она что-то тихо проговорила, не открывая глаз. Степан обратил внимание, что ее губы в нескольких местах были прокушены до крови. Неожиданно ему показалось, что откуда-то из-за кустов доносится что-то похожее на храп, но он решил, что ему почудилось.

– Потерпи, милая, – бормотал Степан, освобождая ноги девочки. Краем глаза он увидел на столе разрезанный на куски торт. В одном из недоеденных ломтей, словно мачта в корабле, торчал скальпель. Вся поверхность стола была в разводах крема.

– Мам... мама, – вдруг просипела девочка и разлепила покрасневшие веки. Увидев Степана, она скривилась, по грязному личику покатались слезы, прокладывая чистые дорожки:

– Мама. Мама, цилк, мама.

– Сейчас, сейчас, – торопливо проговорил Степан. Он сорвал последние обрывки ленты и выпрямился. В нескольких метрах от него зашелестели кусты. Кто-то пристально наблюдал за ними из чащи.

Лиля попыталась встать на ноги, но не удержалась и осела на землю.

– Кто это сделал? – спросил Степан, помогая подняться девочке.

– Мама, – захлебываясь, крикнула Лиля, показывая куда-то пальцем. – Помогите... помогите, мама...

Степан медленно повернул голову. От увиденного ему стало дурно, и он потер воспаленные от недосыпания глаза. Может, у него глюки?!

На дереве висел человек. Женщина, молодая. Висела на собственных волосах. Белокурых, красивых волосах. А прямо под ней торчал длинный кол, который упирался прямо...

Степан с шумом выпустил из легких воздух и сломя голову кинулся к женщине. Взгляд лихорадочно метался по сторонам в поисках чего-то такого, что могло бы помочь ему снять эту девушку с дерева, хотя он даже не был уверен, жива ли она. Наконец он заметил валяющуюся в траве стремянку.

– Дяденька, быстрее! – умоляла девочка, задрав головку. Ноги не держали бедняжку, и она снова без сил опустилась в траву, безудержно плача.

– Сейчас, сестренка, – шептал Степан, взобравшись наверх. Он осторожно коснулся шеи несчастной, затаив дыхание. Пульс был, хотя и слабый. Взгляд его упал на ветку, на которой были намотаны волосы девушки. Все узлы намертво скованы толстым слоем клея. И какой зверь сделал это?! Он опять посмотрел на волосы подвешенной и вздрогнул – они не были белокурыми, как ему показалось вначале. Они были седыми.

Нож. Нужен срочно нож, чтобы обрезать волосы.

Он слез со стремянки, чуть не налетев на кол. Нет, сначала нужно выкопать эту хрень, иначе, как только он освободит девчонку, она прямехонько сядет на него. Он стал раскачивать кол, с отвращением чувствуя, что его ладони стали липкими. Что это, масло, жир?

– Я бы этого не делал на вашем месте, – вдруг раздался тихий, но уверенный голос. Притихшая к тому времени девочка издала нечеловеческий крик и упала лицом в траву, начиная биться головой о землю. Степан резко повернулся и опешил, увидев перед собой странного человека, который с интересом наблюдал за ним. Степан был в цирке всего один раз в жизни, но, увидев это существо с

красным носом и в колпаке, он сразу вспомнил про клоунов. Вот только лицо у этого клоуна было не совсем таким, какие были у тех, что заставляли хохотать зрителей. В подкрашенных глазах существа светилось злобное веселье, губы задрались, как у пса, обнажая зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-vargo/dom-v-ovrage-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)